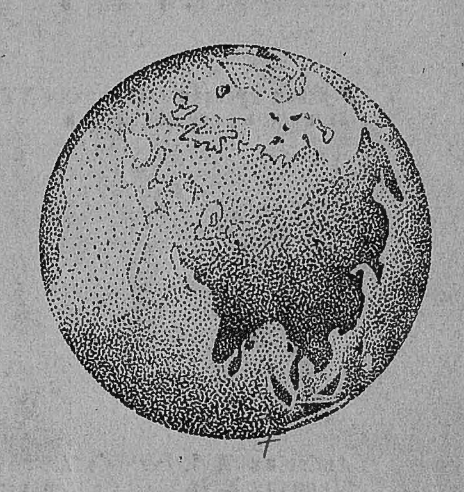

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Том 75. вып. 2 1943

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

BULLETIN OF THE SOCIETY OF GEOGRAPHY OF THE USSR
VOL. LXXV. CHIEF EDITOR V. L. KOMAROV, ASSOCIATE
EDITOR I. J. KRATCHKOVSKY

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР АКАД. В. Л. КОМАРОВ
ЗАМ. ОТВ. РЕДАКТОРА АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ТОМ LXXV — ВЫП. 2

МОСКВА-ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР-ЛЕНИНГРАД
1943

Подписано к печати 5/VI 1943 г. Л-42579.
Печ. л. 4. Учетно-изд. л. 6. Тираж 1200.
Цена 8 руб. Заказ № 275

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва,
Шубинский пер., 10.

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Том LXXV, вып. 2 1943

А. И. АНДРЕЕВ

ЭКСПЕДИЦИИ В. БЕРИНГА[1]

I

Вопрос о том, соединяется ли Америка с Азией, появился, кажется, вскоре же после открытия Америки. Без всяких особенных оснований он был разрешен картографами XVI—XVII вв. в том смысле, что обе страны разделяет так называемый Анианский пролив. Но на ряду с этим существовало и другое мнение, что никакого пролива между Азией и Америкой нет и что обе страны составляют один сплошной материк, подобно тому, как Азия соединяется с Европой и Африкой.

Во всяком случае, до конца XVII в. вопрос оставался неразрешенным и волновал не только ученых, но и деловых людей, для которых он был связан с разрешением проблемы XVI—XVII вв. — о возможности северных проходов из Атлантического океана в Тихий и даже в Индийский, в богатые золотом и драгоценностями страны. Открытие доступных и недалеких путей в Индию, Америку и другие страны, богатые золотом и драгоценностями, было задачей не только частных лиц, но и государственной власти. История многочисленных попыток XVI—XVII вв. найти, например, северо-восточный (из Атлантического океана через Ледовитый, мимо берегов Азии) и северо-западный (из Атлантического океана, мимо северных берегов Америки, в Тихий) проходы составляет одну из интереснейших страниц в истории географической науки.

---

[1] Статья основана на делах «фонда Беринга» и фонда Адмиралтейств-коллегии в Центральном государственном военно-морском архиве в Ленинграде, делах Сената, делах Сената по Кабинету, «сибирских делах» Коллегии иностранных дел и материалах некоторых «портфелей Миллера»; кроме первых двух фондов, все остальные хранятся в Центральном архиве древних актов в Москве. Помимо этих архивных фондов использованы также материалы об экспедициях Беринга, которые имеются в Архиве Академии Наук СССР. В качестве пособий для статьи привлечена также довольно большая литература о Беринге и его экспедициях (труды А. П. Соколова, А. С. Полонского, Л. С. Берга, Ф. Гольдера и др.), в последние годы (1935—1941) пополнившаяся весьма ценными публикациями (отчет Беринга 1741 г., напечатанный в «Красном архиве», 1935—1936 гг., т. 71—74, труд С. Ваксея «Вторая камчатская экспедиция В. Беринга» и сборник документов об экспедициях Беринга, изданный в 1941 г. Главным архивным управлением НКВД СССР).

В приложениях к статье даны: 1) записка И. К. Кирилова о Второй камчатской экспедиции, относимая мною к 1733 г.; она по-новому освещает многие события, предшествовавшие отправлению первой и второй экспедиций Беринга, и выясняет причины их посылки; 2) письма студента Академии Наук А. П. Горланова, сопровождавшего адъюнкта Академии Г. В. Стеллера во время его путешествия по северо-восточной Сибири в 1739—1741 гг., и др.

Все эти попытки XVI—XVII вв. не увенчались успехом. Открытию северо-восточного прохода отчасти помешало и то обстоятельство, что Московское государство еще в первые десятилетия XVII в. запретило плавание иностранных кораблей (английских, голландских и др.) по Северному Ледовитому океану. Казалось, что при таком положении благоприятное разрешение вопроса о северо-восточном проходе из Европы в Азию может наступить, если за это дело возьмется само Московское государство. Так, например, думал знаменитый немецкий философ Лейбниц. В своих многочисленных записках Петру Великому он говорил об исследовании берегов северо-восточной Азии.

Вполне вероятно, что подобные же темы затрагивались и во время пребывания Петра в Париже в 1717 г. в беседах с знаменитым географом французской Академии Наук Гильомом Делилем.

Еще до экспедиции Беринга были предприняты две экспедиции, с помощью их Петр пытался разрешить и тот вопрос, который ставили Лейбниц, Делиль и др.,— о путях все в те же богатые золотом страны — Индию и Америку.

Для выяснения вопроса о том, сошлась ли Азия с Америкой, была отправлена в 1719 г. экспедиция геодезистов Евреинова и Лужина. Для разрешения этой задачи геодезисты ничего не сделали, зато Евреинов доставил Петру сведения о западной Камчатке и шестнадцати японских островах, причем на шести он побывал лично, а об остальных собрал сведения и сочинил карту, которая явилась основой для последующих карт Кирилова и Делиля. Таким образом, действительной задачей экспедиции Евреинова — Лужина было: найти путь в таинственную Японию, а затем установить возможность прохода в Ост-Индию...

Но еще не закончилась эта экспедиция, как в 1720 г. была отправлена вторая, с целью найти проход на восток из устья Оби и одновременно разрешить задачу, поставленную официально перед экспедицией Евреинова. Иностранные наблюдатели отмечают, что, посылая экспедицию в устье Оби, Петр и его советники, особенно знаменитый Я. В. Брюс, интересовались возможностью пройти Северным Ледовитым океаном в Тихий и Индийский океаны для установления непосредственных сношений с Америкой и Ост-Индией. Все попытки 1718—1722 г. оказались безуспешными, но Петр и его советники не отказывались от разрешения поставленных задач, а лишь откладывали их до более благоприятного случая.

Во время персидского похода, по словам Ф. И. Соймонова, в сущности, разрешались те же вопросы установления торговых сношений с Индией через Персию, а сам Соймонов также подсказывал Петру мысль об экспедиции через Камчатку в Америку.

Во всяком случае, и в следующие 1723—1724 гг. Петра занимали вопросы, о которых сказано выше. В кругу тех же интересов стояла, например, намечавшаяся Петром в конце 1723 г. экспедиция на Мадагаскар, который, конечно, интересовал его как удобная промежуточная станция в торговых сношениях между Петербургом и, манившей своим богатством весь тогдашний европейский мир, Индией.

На следующий день после издания указа о «Сибирской экспедиции» Петр подписал указ об отправке летом 1725 г. целой эскадры в Испанию для установления с ней прямых торговых сношений. В качестве предметов торговли намечались главным образом американские товары, под которыми разумелись драгоценные металлы, монопольно вывозившиеся тогда Испанией из Средней и Южной Америки. Отплытие эскадры было отложено до 1726 г. Экспедиция в Испанию обсуждалась в

1719 г. ЯНВАРЯ 2 — ИНСТРУКЦИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ГЕОДЕЗИСТАМ И. ЕВРЕИНОВУ и Ф. ЛУЖИНУ

Инструкция Ивану Евреинову Федору Лужину,

Ехать вам до Таболска и от Таболска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куды вам указано. И описать тамошние места[1]*: сошлася Америка*[2] *с Азией, что надлежит зело тщательно зделать не только сюйд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить. А об отправлении вашем от Таболска и о даче подвод и провожатых и протчего, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии к лантратом и протчим управителем указ послан. 1719-го генваря 2-го дня*[3].

(Центр. Архив древних актов, фонд б. Госуд. архива, дела Кабинета Петра Великого, II, № 66, л. 40. Напеч. в Полн. собр. зак. № 3266).

---

[1] Далее зачеркнуто: где

[2] Далее знак выноски и вместо зачеркнутого «*сь Европою*» рукою Петра Первого на полях вписан текст от слов «*с Азиею*» и до слов «*исправно поставить*».

[3] Дата написана третьим почерком.

декабре 1724 г., когда Петр решил, наконец, приступить к действительному выяснению вопроса о том, сошлась ли Азия с Америкой. Нельзя не признать, что между обеими экспедициями существовала тесная связь.

Поводом к посылке Сибирской экспедиции послужило то обстоятельство, что в 1724 г., в момент споров с китайцами о перебежчиках и границе, выяснилось, что сибирские карты имеются только в Китае. Сочиненная тогда секретарем Сената И. К. Кириловым карта северо-восточной Сибири не отвечала, однако, на вопросы, поставленные текущей политикой и учеными учреждениями Франции, Пруссии и других стран.

2

23 декабря 1724 г. состоялся указ Петра о «Сибирской экспедиции»: Адмиралтейств-коллегии поручалось сыскать людей, нужных для экспедиции на Камчатку: геодезистов, достойного морского поручика или подпоручика, учеников или подмастерьев для построения бота с палубой и отправки такелажа.

Вице-адмирал П. И. Сиверс и шаутбенахт (контр-адмирал) Н. А. Синявин наметили ряд лиц: Шпанберга, Зверева или Косенкова, подпоручиков Чирикова и Д. Лаптева; в качестве командиров они назвали капитанов Беринга или фон Верда, «понеже Беринг в Ост-Индии был и обхождение знает, а фон Верд был штурманом». Мысль о штурмане вызвала полное сочувствие Петра, и он приписал на докладе: «зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке... ежели таких штурманов во флоте не сыщется, то немедленно писать в Голландию, чтоб дву человек, знающих море к северу до Японии».

Г. Ф. Миллер, профессор Петербургской Академии Наук, участник Второй экспедиции Беринга на Камчатку, в 1732—1733 г. находившийся с ним в весьма близких и дружеских отношениях, несколько раз слышал от Беринга рассказ о том, как состоялось его назначение в экспедицию. В ответ на обращение адмирала Апраксина к морским офицерам принять участие в экспедиции Беринг заявил о своей готовности отправиться в экспедицию, и 6 января 1725 г. Петр написал собственноручно краткую инструкцию Берингу:

«1) Надлежит на Камчатке или в другом том месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на норд, по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где оная сошлась с Америкой; и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной кюст[1] называют, и взять на писме, и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

Болезнь Петра в январе 1725 г. не позволила ему лично руководить подготовкой экспедиции, которой он придавал большое значение. В особом указе он требовал всякого вспоможения Берингу от сибирского губернатора кн. М. В. Долгорукова. Подготовка экспедиции была поручена им лично генерал-адмиралу гр. Ф. М. Апраксину, и Апраксин явился верным исполнителем воли Петра. По словам близкого к Петру А. К. Нартова, незадолго до своей смерти Петр призвал к себе генерал-адмирала Апраксина и, вручив ему инструкцию экспедиции, сказал: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то

[1] Кюст — берег.

есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложен путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались изыскивать берегов американских».

В начале февраля 1725 г., после смерти Петра, Апраксин писал сибирскому губернатору Долгорукову об оказании Берингу «всякого вспоможения», «чтоб в действо (экспедиция) произведена была неотменно, понеже в оной заключается немалое дело, о чем паки прилежно прошу».

Третьего февраля, по указу императрицы, Беринг получил от Апраксина подробную инструкцию. Вместе с Берингом была отправлена команда из 34 человек, мортиры и денежное довольствие на 1725 г. О денежном и хлебном довольствии, о материалах для построения судна и пр. Сенат отправил указ сибирскому губернатору. «Для известия тамошних мест» Берингу была вручена сочиненная в 1724 г. карта, для исправления которой разрешалось взять на месте геодезистов. О ходе экспедиции Беринг должен был вести журнал и присылать в Адмиралтейств-коллегию рапорты. В качестве помощников Берингу были назначены поручик М. П. Шпанберг, или Шпангенберг, и подпоручик А. И. Чириков. Назначение в начальники экспедиции датчанина В. Беринга было обусловлено тем, что он уже в течение 20 лет состоял на русской службе, прошел основательную морскую подготовку, командовал в 1715—1723 гг. несколькими кораблями («Нептун», «Ингерманландия» и др.), на которых под его началом проходили гардемаринскую практику многие из тех лиц, которые позднее приняли участие в его Второй камчатской экспедиции. Беринг был лично известен Петру и, видимо, в персидский поход плавал вместе с Петром на Каспийском море. По мнению Петра, у Беринга было еще одно большое преимущество: он бывал в Ост-Индии и знал пути в эту богатую страну. Хорошо знакомый Апраксину Беринг был, казалось, подходящим лицом для выполнения задач экспедиции.

Помощники Беринга — датчанин Шпанберг и русский Чириков в те годы были уже известными моряками, выполнившими не одно ответственное поручение. В материалах обеих экспедиций Беринга сохранилось много данных о грубости Шпанберга, его жестокости, лихоимстве и пр., но вместе с тем там же имеется немало отзывов о больших организаторских способностях Шпанберга, о его уменье найти выход из очень трудных обстоятельств, в которые он попадал в условиях жизни северо-восточной Сибири 30—40-х годов XVIII в., о его преданности делу, которому он посвятил почти 20 лет своей жизни. Второго спутника Беринга, А. И. Чирикова, единодушные отзывы современников рисуют человеком умным и хорошо образованным. В 1722 г. он считался одним из лучших знатоков морского дела. В январе 1724 г. Чириков вне очереди был произведен в лейтенанты, так как «явился знающим морское дело... и тщательным в произвождении своего дела паче других». Все наши известия о Чирикове в годы обеих экспедиций Беринга подтверждают отзыв о нем, сделанный первым историком обеих экспедиций Г. Ф. Миллером: «Чириков заслужил себе честь не токмо искусного и прилежного офицера, но и праводушного и богобоязливого человека, чего ради память его у всех, кои его знали, в забвение не придет».

3

О первой экспедиции Беринга 1725—1730 гг. сохранилось много документов: его собственные рапорты в Адмиралтейств-коллегию, большая переписка экспедиции, путевые журналы, которые вели Чириков и Чаплин, краткая реляция Беринга обо всей экспедиции и составленные Чаплиным карты.

В рамках статьи приходится лишь кратко коснуться экспедиции и ее результатов.

Первый отряд экспедиции (26 человек) отправился еще 24 января 1725 г., сам Беринг с остальными выехал позже. До Тобольска доехали обычным путем, туда прибыли в середине марта. По Сибири были своевременно разосланы указы о подготовке судов, материалов и припасов для экспедиции; необходимые плотники, кузнецы и пр. были уже на местах, из-за них задержки не происходило. В Енисейске от бывалых людей Беринг узнал, что для разрешения поставленной ему задачи возможен другой путь (вместо Камчатки начинать обход Чукотки от Колымы) и что еще в недавние годы такие плавания совершались сибирскими мореходами.

На представление Беринга о разрешении изменить маршрут экспедиции из Петербурга не было нолучено ответа, и пришлось направляться по намеченному ранее пути. В Иркутск Беринг прибыл весной 1726 г., а в Охотск только в октябре: весь год прошел в сложных хлопотах по получению и доставке провианта, материалов и пр., в чем усиленно помогали также Шпанберг и Чириков. Особенно тяжелым был переход из Якутска в Охотск: в рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 28 октября 1726 г. Беринг, сообщая о прибытии в Охотск отправленного сухим путем провианта, уведомлял также, что из 660 лошадей, отправленных из Якутска в Охотск, пришло только 393, все остальные «пристали и померли в пути»; на месте не оказалось сена, и потому лошади и рогатый скот, пригнанный с ними, обрекались на верную гибель; часть груза застряла в пути. В таких условиях итти дальше на Камчатку было крайне трудно, даже если бы удалось заменить лошадей собаками. Но Беринг все же надеялся добраться до Камчатки еще в этом году. Однако в рапорте от 26 января 1727 г. ему пришлось сообщить, что с октября по январь все имевшиеся у него лошади пали, «понеже нонешной зимой здесь великие снега и жестокие морозы и пурги, и сказывают здешние жители, которые живут здесь больше 20 лет, что не помнят такой жестокой зимы». Шпанберг прибыл в Охотск только в начале января, оставив часть провианта и материалов в дороге. При таком положении Беринг не решился продолжать дальнейший путь; к тому же число больных в команде с каждым днем увеличивалось.

Задержка в доставке провианта и материалов произошла по вине Якутской воеводской канцелярии, которая не приняла всех мер к очистке дороги, устройству зимовий в пути, поставке сена и т. п.; все это пришлось устраивать силами экспедиции. Только в феврале — апреле 1727 г. удалось на собаках подвезти брошенные по пути из Якутска материалы и провиант. Между тем в команде становилось все больше больных; умерли штурман Моррисен, геодезист Лужин, несколько плотников и кузнецов. Пришлось отложить отъезд из Охотска до весны, к тому же на месте не хватало собак и «рыбной пищи пред прежними годами скудно было».

В первых числах мая взялись достраивать судно, начатое еще в прошлом году; 22-июля судно достроили и погрузили; 30-го Шпанберг был отправлен на нем в Большерецк для перевозки материалов на Кам-

чатку и с условием возвращения еще в это лето. Прибывший в начале июля Чириков сообщил о том, что провиант находится в пути, но часть его (3000 пудов муки) пришлось оставить в дороге и перейти из-за того на «рыбную пищу». К этому времени выяснилось также, что строить суда в Охотске, в виду отсутствия поблизости леса, очень трудно, так как команда, занятая перевозками и поредевшая от болезней и смертей, никогда не была в полном сборе. В середине июня 1727 г., уведомляя Адмиралтейств-коллегию о всех трудных обстоятельствах, Беринг послал также подлинную карту пути от Тобольска до Охотска, составленную гардемарином Чаплиным, служившим во флоте с 1718 г. и в октябре 1727 г. определенным Берингом для исполнения секретарских дел и «у расходу денежной казны»; в октябре 1727 г. Беринг произвел его «за излишнюю и примерную службу» в мичманы.

Сам Беринг намерен был переправиться на Камчатку на прибывшем неожиданно в Охотск «старом судне», о котором два года не было известий.

21 августа Беринг отправился на Камчатку. Первоначальное намерение плыть кругом Камчатки пришлось из-за жестоких ветров и дождей оставить и остановиться в устье р. Большой, откуда уже зимой с большими трудностями доставлять на собаках материалы и провиант в Нижне-Камчатский острог; «а при перевозке материалов и провианту ясашным иноземцам никакой большой тяжести от нас не было, понеже они ясаки свои заплатили прежде, от нас вспоможение им было в пропитании китовым жиром... также и табаком», писал Беринг в Адмиралтейств-коллегию; к сожалению, на самом деле эти перевозки были крайне тяжелыми. Беринг добрался до Нижне-Камчатского острога только 11 марта. 4 апреля заложили на реке Камчатке бот; вторым судном должно было служить то, на котором прибыли из Охотска и которое предстояло теперь обвести кругом «Камчатского носу» (Лопатки).

8 июня 1728 г. бот «Гавриил» был спущен на воду; в начале июня прибыло из Большерецка и второе судно; к этому времени был достроен и бот. В виду позднего времени, недостатка снастей и необходимости починки старого бота решено было отправиться в плавание на одном боте; на нем было сорок человек с запасом провианта на год.

В плавание отправились из устья Камчатки 13 июня[1] и следовали «меж севером и востоком по простертию земли». 6 августа заходили в один из «малых» заливов за водой, но людей там не видели. «8-го на широте 64°30′ N пригребли к боту от земли в кожаной лодке 8 чукчей, которые на вопросы наших толмачей отвечали по-коряцки в такой силе, что земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели, и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды... а морем до устья Колымы мы не хаживали, а через землю родники наши на оленях часто ходят, для того что гораздо ближе; на море знаем один остров, на котором живут люди нашего роду, а кроме того никаких островов и земель не знаем». 15-го бот дошел до северной широты 67°19′[2] «и длины от устья реки Камчатки 30°14′; а в правой стороне по куршу нашему от острова земли не видал,— писал Беринг 10 февраля 1730 г.,— и больше к северу не про-

[1] Описание плавания обычно дается на основании «Краткой реляции», поданной Берингом в Москве, вероятно, в апреле 1730 г., и отчасти на основании копии судового журнала, который вел мичман Чаплин; но оба источника в деталях расходятся с более ранним документом — рапортом Беринга 10 февраля 1730 г. об его плавании между Азией и Америкой.

[2] В судовом журнале: 67°18′48″; в «Краткой реляции» 67°18′.

стирается и наклоняется к западу, и потому рассудил, что данной мне указ исполнил, возвратился назад»[1]. До этого решения Беринг потребовал 13-го, когда были еще на широте 65°30′ N, от Шпанберга и Чирикова письменного мнения: можно ли «показанного (Чукоцкого) носу землю, о которой мнение было, что сходится с Америкою», считать, что она от Америки «разделяется морем».

Шпанберг, поддерживая Беринга, предлагал до 16 августа попытаться дойти до 66° и, если это окажется невозможным, возвратиться на Камчатку. А. И. Чириков полагал, однако, что «понеже известия не имеем, до которого градуса ширины из Северного моря подле восточного берега Азии от знаемых народов, европейских жителей, бывали, и по оным мы не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды». Чириков считал необходимым продолжать итти «подле земли», если этому не воспрепятствуют льды «или не отведет берег на запад, где устье реки Колымы, до мест, показанных в означенном его императорского величества указе». Если же на севере окажется какая-нибудь земля, то до 25-го (даже при противных ветрах) искать место, где бы можно зимовать, особенно на земле против Чукотского мыса, на которой, по известиям чукоч, имеется лес. Беринг, как уже отмечено выше, не согласился ни с одним из предложенных мнений, и, «исследовав поданные мнения», 15 августа положил свою резолюцию: «ежели больше будем ныне мешкать в северных краях, опасно, чтоб в такие темные ночи и туманы не придтить к такому берегу, от которого не можно будет для противных ветров отойтить; и, рассуждая об обстоятельстве судна, понеже шверец и плейваглен изломаны, также трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже той земли, кроме Чукоцкой, неизвестно, на которой народ немирной и лесу нет. А по моему мнению, лутче возвратиться назад искать гавани на Камчатке к прозимованию».

Из приведенных разновременных высказываний Беринга о том, что заставило его повернуть обратно, ясно, что основное, о чем говорил и Чириков («понеже известия не имеем... ежели не дойдем до устья реки Колымы» и т. д., см. выше), осталось без ответа со стороны Беринга, а боязнь нарушить «государственный интерес», потерять судно и людей, заставила его принять решение, смысл которого ему был совершенно ясен.

Мы имеем компетентное свидетельство лица, не раз беседовавшего с Берингом о его первой экспедиции,— Г. Ф. Миллера, который в своем возражении И. Н. Делилю, между прочим, отмечал: Беринг прекрасно знал, что его первая экспедиция не разрешила поставленных перед ней задач, и в виду этого по возвращении в Петербург в 1730 г. он стал настойчиво добиваться посылки второй экспедиции.

Обратный путь экспедиции уже не представляет особого интереса. 16-го видели меж S и OSO один из островов Диомида. На широте 64°20′ к боту подъехали на четырех лодках до 40 чукоч, «которые при-

[1] В «Краткой реляции» это важное решение изложено так: «А 15-го дня того же августа пришли в ширину северную 67°18′. Рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции... исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукоцкому или к восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился. А ежели б иттить далее, а случились бы противные ветры, то не можно бы паки того лета возвратитца до Камчатки. А на тамошней земле зимовать было бы не без притчин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства, самовластен и сроства с нашими ясашными иноземцами не имеет».

везли для продажи тамошние вещи» (мясо, рыбу, лисиц, песцов, зубы моржовые) и подтвердили показания других чукоч, приведенные ранее. 2 сентября бот «Гавриил» вернулся в устье Камчатки, где и остался зимовать.

К концу мая 1729 г. бот был починен. 5 июня вновь вышли в море, к востоку, «для искания земли, понеже слышали от камчатских жителей, что есть земля против Камчатского устья вблизости», но земли не нашли и, из-за больших ветров с туманом, повернули обратно кругом Камчатки. 3 июля пришли в устье р. Большой, но здесь, поднимая якорь, его потеряли и не могли отыскать. 12 июля отправились к устью р. Охоты, куда прибыли 23-го, где сдали бот и припасы. 28 августа вся команда была уже в Якутске, 10 сентября отправились из Якутска вверх по Лене и далее в Тобольск, куда прибыли 10 января 1730 г., и 1 марта 1730 г. возвратились в Петербург.

Вместе с рапортом от 10 февраля 1730 г. была представлена Берингом в Адмиралтейств-коллегию карта всего пути, которая является одним из важных результатов экспедиции. Вместе с подлинным журналом она была отправлена в Сенат, в Москву, куда направился и сам Беринг. Несколько позднее, вероятно, в апреле 1730 г., Беринг подал императрице «Краткую реляцию о Сибирской экспедиции», в которой дает отчет о своем путешествии и плавании; она содержит также много ценных этнографических сведений, собранных экспедицией о народах Сибири. Некоторые из этих сведений использованы на упомянутой выше карте, составленной еще в 1729 г., когда в сущности закончилась экспедиция. Последовательность подачи материалов экспедиции должна быть принята во внимание при пользовании ими, так как более поздние иногда дают новые подробности, не всегда совпадающие по своему характеру с более ранними документами.

В последнем своем рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 12 марта 1730 г. Беринг представил список обер-, и унтер-офицеров и рядовых, которые «за искусство в должности, за предложенной их в показанной экспедиции, каковы мало случается, тяжкий труд заслуживают награды», и тут же вновь кратко напоминал о более тяжелых моментах экспедиции, когда «все служители терпели нередко немалый труд и нужду». Предложение Беринга лишь отчасти было удовлетворено Адмиралтейств-коллегией. Сам он 4 августа 1730 г. был произведен в капитан-командоры, не по очереди, а по высочайшему повелению, 23-го были повышены рангами за понесенные труды спутники Беринга, также не в очередь. Кроме того Берингу была выдана награда в тысячу рублей, вдвое большая, чем обычные награды того времени, выдававшиеся капитан-командорам.

Первая экспедиция Беринга, по признанию Адмиралтейств-коллегии, оказалась «не бесплодной», но она не разрешила поставленной перед ней задачи: проведать, соединяется ли Азия с Америкой. Несмотря на неудовлетворительность ее окончательных результатов, первая экспедиция Беринга дала новые географические сведения, которые в эти же годы разрабатывались в Академии Наук знаменитым И. Н. Делилем, как о том свидетельствует опубликованное недавно В. Ф. Гнучевой его письмо от 9 января 1729 г.; в нем Делиль высказывает свое мнение о карте первого плавания Беринга, сравнивая ее с предшествовавшими картами Витзена, Избранд Идеса и Страленберга. Обсуждение географических результатов первой экспедиции Беринга происходило и в заседаниях конференции Академии Наук. На основании данных экспедиции Делилем была составлена записка о долготе Камчатки и Тобольска. Сами участники экспедиции, и особенно Беринг, прекрасно понима-

ли, однако, что поставленную им задачу они не выполнили, но в 1730 г., в связи с переворотом, который возвел на престол императрицу Анну Иоанновну, внимание к задачам, которые преследовала экспедиция, ослабело.

4

В годы отсутствия Беринга в Петербурге в руководящих правительственных органах (Верховном Тайном Совете и Сенате) был серьезно поставлен вопрос об извлечении из северо-восточной Сибири и стран к востоку от нее наибольшего государственного «интереса». В последнее время (1941 г.) было высказано мнение, что уже первая экспедиция Беринга преследовала также практические цели, а не простое «проведывание». Возможно, что при благоприятных условиях Беринг и попытался бы завязать торговые сношения с «американцами». В инструкции Петра сказано, что Беринг должен был «побывать» на берегу, вероятно, не для простого только знакомства с местными жителями.

В 1727 г. в Петербург приезжал якутский казачий голова А. Ф. Шестаков, который настаивал на посылке его на Камчатку с партией служилых людей для усмирения и покорения тамошних немирных народов и сыскания новых земель и островов. Шестакова горячо поддерживал секретарь Сената И. К. Кирилов. Сенат и Верховный Тайный Совет согласились на отправление на северо-восток Сибири новой экспедиции, которой была поставлена указанная задача.

Когда Беринг вернулся в Петербург, тот же неутомимый И. К. Кирилов настойчиво проводил через высшие учреждения другой свой проект — об устроении северо-восточной Сибири, причем одобренный в 1731 г. указ императрицы ставил во главе этого дела находившегося в ссылке в Якутии бывшего генерал-прокурора Сената Г. Г. Скорнякова-Писарева.

Сразу же по возвращении из экспедиции Беринг также стал настойчиво добиваться принятия разных мер по благоустройству далекой окраины государства, но только в декабре 1730 г. получил «повеление» Сената «подать известие, что в Восточном краю признавается к пользе государства». В ответ Беринг представил в конце 1730 г. свои два «предложения». В первом из них он намечал много мероприятий по улучшению жизни Якутии и Камчатки — результат его наблюдений в первую экспедицию, а во втором, озаглавленном «Всенижайшее помышление не в указ, ежели восприимется намерение посылать в экспедицию, особливо от Камчатки к осту», он выдвинул проект новой экспедиции, считая, что «Америка или иные, лежащие между нею и Камчаткой, земли не очень далеко от Камчатки, в расстоянии, быть может, и, по мнению, 150 или 200 миль быть имеет»; и «буди подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи; а того допряма можно будет доискиваться, ежели построить (на Камчатке) два судна, одно величиною, например, от 45 до 50 ластов и другое — меньшее». Тот же проект предусматривал «выведывание» Охотского моря (до Амура и далее, до Японских островов) все с той же целью — заведения торгов, в частности, с «японами». На ряду с этим проект ставил экспедиции задачу — «выведывания» северных земель или берега Сибири от Оби до Лены: «к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать». Стоимость экспедиции, кроме жалованья, провианта и материалов на оба судна, исчислялась Берингом в 10—12 тысяч рублей. Так был поставлен

на очередь вопрос о посылке новой экспедиций в Сибирь и в Америку. Вторая экспедиция должна была выполнить задачу более обширную, чем первая. Проект Беринга пролежал в Сенате свыше года: в это время проходил упомянутый выше проект Кирилова, и только в мае 1731 г. состоялся указ, возлагавший на охотского управителя Скорнякова-Писарева ряд задач, о которых говорится в первом предложении Беринга.

Отношение к предложениям Беринга, лежавшим без движения в Сенате свыше года, неожиданно изменилось в марте 1732 г., когда Кабинет предложил Сенату рассмотреть их. Имеются основания полагать, что Беринг нашел сильную поддержку в лице кабинет-министра гр. А. И. Остермана и президента Адмиралтейств-коллегии гр. Н. Ф. Головина, которые во все последующие годы являлись не только сторонниками Беринга и его новой экспедиции, но и горячими защитниками в трудные моменты существования экспедиции (найденные мною письма Беринга к этим лицам в полной мере подтверждают это). Грандиозные задачи, которые поставил Беринг, были прекрасно поняты этими государственными деятелями своего времени, и экспедиция многим им обязана.

17 апреля 1732 г. состоялся указ императрицы о вторичной посылке капитан-командора Беринга на Камчатку «по поданным от него пунктам и предложениям для строения двух судов и прочих дел к государственной пользе и умножению ее императорского величества интереса». Проведение в жизнь многочисленных мероприятий, связанных с отправлением экспедиции, было поручено Сенату, где душой всего дела стал не раз упоминавшийся выше И. К. Кирилов. В составленной им записке он подробно развивал мысль о полезности экспедиции, считая ее, для своего времени, одним из двух дел «великой и бессмертной не токмо славы, но и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству». В записке им разъяснены задачи этой «важной экспедиции, каковой ни от кого никогда не бывало»; они заключались в том, чтобы «подлинно проведать: 1) могут ли Северным морем проходить к Камчатского или Полуденного океана морям [1]; 2) от Камчатки до самых американских берегов, где неизвестного места около 45° длины, дойти; 3) от Камчатки же до Японии, между чем расстояние получено 10° сев. широты, придти; 4) в том походе и везде сыскивать новых земель и островов и неподвластные, сколько можно, в подданство приводить; 5) металлов и минералов сыскивать; 6) разные обсервации астрономические как на земле, так и на воде сделать, и подлинную длину и широту сыскать и 7) историю о древностях и новостях и натуральную сочинить, и пр.». Развивая свою мысль о пользе экспедиции, Кирилов отмечал, что благодаря ей «Россия с восточную сторону в соседи своим владениям в Калифорнии к Мексике достигнет, где хотя богатых металлов, какие имеют гишпанцы, вскоре не получим, однако ж современем и готовые без войны ласкою доставать можем». Кирилов считал, что все острова и земли Тихого океана не могут «миновать» российского владения, а японцы «не отринут» торг с русскими, так как «надобный товар» будут получать из первых рук. Центром внешней торговли Сибири, по его мнению, должен быть Охотск, который «пред европейцами, кои ходят в Ост- и Вест-Индию», имеет великие выгоды.

[1] Кирилов сообщает и свое мнение по этому вопросу: «Я, по исследованиям некоторых, конечную надежду имею, что могут»; таким образом, еще до появления знаменитого труда Ломоносова в 1763 г. Кирилов был одним из сторонников возможности северо-восточного прохода.

При обширных задачах, которые ставились перед новой экспедицией, естественно, что обсуждение ее плана и организации не могло пройти быстро. Лишь в конце года доклад Сената 17 декабря был утвержден (28 декабря 1732 г.) императрицей. В докладе подробно разъяснены задачи экспедиции и даны соответствующие распоряжения по их выполнению.

В обсуждении плана и организации экспедиции принимали участие: Адмиралтейств-коллегия, особенно деятельное с сентября 1732 г., Академия Наук, перед которой в июне 1732 г. была поставлена задача всестороннего изучения Сибири, и отчасти Сибирский приказ. Общее руководство оставалось все время за Сенатом. Сам Беринг принимал деятельное участие во всех организационных стадиях дела, находясь постоянно в близких отношениях с обер-секретарем Сената Кириловым. Он подавал отдельные мнения о снаряжении, о штатах экспедиции, о пути Камчатской экспедиции, о строении судов, об устройстве почты и новых поселений в Сибири и пр. В этих мнениях Беринг показал себя хорошим знатоком местных условий северо-восточной Сибири. Члены Адмиралтейств-коллегии, приглашенные в Сенат «для совету», между прочим, «представили, что можно отправить на Камчатку и из Санкт-Петербурга корабли», которые могут выполнить задачи экспедиции, а морские офицеры получат практику. Когда в сентябре 1732 г. Адмиралтейств-коллегия приняла близкое участие в обсуждении дела, через нее Беринг добился того, что в задачи экспедиции было поставлено также описание северного побережья Сибири, против чего первоначально возражали в Сенате. Большую роль в обсуждении плана экспедиции сыграло и высшее научное учреждение страны — Академия Наук: член Академии Наук, знаменитый астроном и географ И. Н. Делиль, по поручению Сената, сочинил карту Сибири и соседних стран и объяснение к ней, а другие представители Академии — Д. Бернулли, И. Гмелин, Г. Миллер — составили инструкции для экспедиции по собиранию астрономических, географических, естественно-исторических, этнографических и исторических сведений. С конца 1732 г. Академия занялась подготовкой для экспедиции студентов, которые могли бы помогать назначенным в экспедицию профессорам Академии Делякройеру, Гмелину и Миллеру в их работе в Сибири.

На основании высочайше утвержденного доклада Сената 31 декабря 1732 г. состоялся указ Сената Адмиралтейств-коллегии с подробными указаниями задач, организации и проведения экспедиции. В начале января 1733 г. Коллегия наметила план необходимых мероприятий и приступила к составлению инструкции Берингу. В конце месяца были утверждены ведомости необходимых экспедиции припасов, материалов и пр., составленные Берингом и Шпанбергом, которые особенно энергично трудились над организацией экспедиции. Отсутствовавший в Петербурге А. И. Чириков вернулся в феврале 1733 г. и успел внести в состоявшийся уже указ Сената некоторые дополнения и исправления по нескольким пунктам инструкции, которые и были приняты Адмиралтейств-коллегией; 16 февраля 1733 г. она вошла в Сенат с особым представлением об изменении сенатского указа 31 декабря; изменения касались задач американского отряда экспедиции: в отмену инструкции Петра Великого, отряд должен был только «сыскать неизвестные американские берега», но не ехать обязательно до соседних «европейских владений, так как из-за этого можно опоздать вернуться на Камчатку в однолеть»; отмена этого требования, между прочим, вызывалась боязнью иметь столкновение с Испанией, под «протекцией» которой были американские владения; соответствующий пункт указа предлага-

лось изложить в том смысле, «чтоб сперва шли по предложению и мнению Делиля[1] и по их общему рассуждению. И когда самые американские берега тамо, как чаетца, найдут, то на оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы и как то место называют, и подлинно ль те берега американские, и, учиня то и разведав с верным обстоятельством, поставить все на карту и потом итти для такого ж разведывания подле тех берегов, сколько время и возможность допустят, по своему рассмотрению, дабы к камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратитца в благополучное время, и в том у них руки не связывать, дабы оной вояж от того учинился не бесплодной, как и первой». Сенат специальным указом санкционировал это изменение превоначальной инструкции.

Одновременно (23 февраля) Сенат утвердил выработанную Адмиралтейств-коллегией инструкцию Берингу, Шпанбергу и тому офицеру, который отправится из устьев Лены на Камчатку. Все эти инструкции считались секретными, а для объяснения с иностранцами, если с ними произойдет встреча у Беринга и Чирикова во время их плавания в Америку, была дана другая краткая инструкция, в которой перед отрядом ставились лишь чисто научные задачи — «проведать» отношение Азии и Америки.

Кроме того, Сенат, с своей стороны, в марте дал Берингу еще одну инструкцию и в руководство особый проект Сибирского приказа о доставке хлеба и вина в Якутию и на Камчатку для экспедиции; проект обещал большие выгоды для казны и был введен в действие еще до окончательного его утверждения.

В марте же были утверждены штаты экспедиции: кроме основного отряда, она должна была состоять еще из семи отрядов, в которых морских адмиралтейских и сибирских служителей было положено 934 человека, а вместе с учениками и прочими — 977 человек. Штаты академического отряда были особые. Жалованье участникам экспедиции было положено двойное против обычных окладов. Тогда же были утверждены Сенатом ведомости материалов, провианта и пр.

Экспедиция направлялась в такие части Сибири, где внутреннее состояние было очень трудное. О тяжелом положении якутов, тунгусов, камчадалов и других народов северо-восточной Сибири в первые десятилетия XVIII в. писали все бывавшие среди них вольно или невольно: беззакония и насилия, совершаемые при взимании ясака, составляли главное содержание нескольких записок, относящихся к 30—40-м годам XVIII в. Одной из них была записка Г. Г. Скорнякова-Писарева, послужившая основанием для указов императрицы 11 марта и манифеста 9 мая 1733 г., который обещал населению наладить порядок в деле собирания ясака и карать виновников насилий. На издание манифеста несомненно повлияло и полученное в начале 1733 г. известие о том, что восставшие камчадалы разорили Нижне-Камчатский острог. Налагая на местных людей новые тяготы, связанные с экспедицией (доставка лошадей, перевозка провианта, материалов и пр.), было вполне естественно попытаться смягчить уже лежавшие повинности. Но на ряду с ясаком очень скоро повинности на экспедицию составили не меньшую тяготу в жизни местного населения. В связи с проявленной Писаревым деятельностью в Охотске первоначальное решение вернуть его в прежнее состояние

---

[1] К карте И. Н. Делиля, которую и участники американского отряда нередко неправильно приписывали его двоюродному брату Делиль-Делякройеру, сопровождавшему отряд на пакетботе «Святой Павел», была приложена объяснительная записка, в которой намечен путь отряда.

ссыльного, по настоянию Сибирского приказа, было отменено; Писарев должен был оставаться и впредь управителем Охотска; этим была создана весьма неблагоприятная обстановка для работ экспедиции в крае, так как Писарев, осуществляя иногда те же задачи, которые были возложены и на экспедицию, очень скоро оказался во враждебных отношениях с участниками экспедиции — Шпанбергом, Берингом и др.

В те же месяцы 1733 г. Сенат принимал меры к устройству почты в Сибири. Это и некоторые другие мероприятия, проведенные тогда в Сибири, должны были создать благоприятную обстановку для успешного осуществления экспедиции.

5

В официальной переписке того времени вторая экспедиция Беринга называется «сибирской», но еще чаще «камчатской», а потому в дальнейшем и будет упоминаться это второе название, как самое употребительное и обычное в те годы. Существующие в литературе другие наименования экспедиции («северная», «великая северная камчатская» и др.) целиком принадлежат отдельным авторам и не встречаются в современных документах. Равным образом нет никаких оснований объединять все экспедиции 1725—1741 гг. на северо-восток Сибири названием одной «экспедиции Беринга», как это сделано в вышедшем в 1941 г. сборнике Главного архивного управления.

Общая история Второй камчатской экспедиции в 1733—1743 гг. давно уже (в 1851 г.), на основании главным образом документов Морского архива, написана неутомимым историком русского флота моряком А. П. Соколовым. Специально о трудах академического отряда экспедиции, профессоров Академии — Миллера, Гмелина, Делякройера, адъюнктов — Стеллера и Фишера и их помощников — студентов Крашенинникова, Горланова и др., переводчика Линденау и художников — Беркана, Люрсениуса и др., имеем также обстоятельные исследования в работах академика П. П. Пекарского; в последние годы известия о трудах академического отряда дополнены в моих работах, в частности в выходящем втором выпуске «Очерков по источниковедению Сибири» (первая половина XVIII в.); в последней работе мною дан специальный очерк «Обзор материалов по истории первой и второй Камчатской экспедиций» (1725—1746), где сдалана попытка учесть все известные мне источники по истории экспедиции. Для истории морской части второй экспедиции имеют первостепенное значение труды американского ученого, покойного Ф. Гольдера: «Russian Expansion on the Pacific», 1914, и особенно «Bering's Voyages» 2 тома, 1922—1925, и вышедший в начале 1941 г. под моей редакцией и с предисловием перевод труда Свена Вакселя «Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга». Из нескольких предполагавшихся к выпуску посвященных экспедициям Беринга изданий до войны успел выйти сборник документов, подготовленных А. А. Покровским и изданных Главным архивным управлением НКВД СССР под заглавием «Экспедиция Беринга» (отзыв о сборнике печатается далее). С учетом большой литературы об экспедициях Беринга написана книга Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742»; имеются два ее издания; к сожалению, предполагавшееся переиздание этой книги не осуществилось. Труд Л. С. Берга остается лучшим научно-популярным сочинением из всех посвященных экспедициям Беринга и особенно его второй экспедиции.

Так как деятельность академического отряда Второй камчатской экспедиции протекала уже с самого отъезда его из Петербурга в ав-

густе 1733 г. почти самостоятельно, а с 1737 г. и формально профессора получили полную независимость от Беринга, его роль и влияние на работы академического отряда были небольшими, а потому в дальнейшем остановлюсь лишь на трудах морского отряда экспедиции, деятельность которого проходила до начала 1741 г. под непосредственным руководством Беринга, за исключением тех офицеров, которые занимались описанием берегов от Архангельска до Оби: руководство ими принадлежало непосредственно Адмиралтейств-коллегии.

Состав морской части экспедиции уже отчасти отмечен; кроме начальника экспедиции — капитана-командора Беринга и его двух помощников — капитанов Шпанберга и Чирикова,— в нее вошли прежде всего морские офицеры, знакомые с Берингом по их гардемаринским плаваниям в 1718—1724 гг. Для описи северных берегов были определены: лейтенанты С. В. Муравьев и М. Павлов, замененные в 1737 г. С. Г. Малыгиным и Скуратовым; лейтенант Д. Л. Овцын, работы которого заканчивал штурман Ф. Минин; В. Прончищев и Лассиниус (датчанин), замененные после их смерти Х. П. и Д. Я. Лаптевыми. Кроме них в экспедиции участвовали еще четыре лейтенанта: С. Ваксель (швед), М. Г. Плаутин — штурман в ранге лейтенанта, Ендогуров и И. Л. Чихачев, которые находились при Беринге. Сверх четырех северных отрядов было решено послать еще два отряда: японский, во главе с капитаном Шпанбергом, к которому определены лейтенант Вальтон (англичанин) и мичман А. Шельтинг, и американский отряд, руководство которым было поручено самому Берингу вместе с А. И. Чириковым. При наличии в составе офицеров иностранцев, все же большинство офицеров были русские; штурманы, за исключением трех, а также все другие чины, кроме лекарей, были также русские. Большинство офицеров были люди сравнительно молодые, хотя некоторые из них (Малыгин, Чириков) не только имели заслуги, но и являлись лицами весьма авторитетными в морском деле. Штатный персонал экспедиции в разные годы был различным; он колебался от 600 до 1 000 и представлял, таким образом, громадный отряд, на содержание и прокормление которого требовались большие средства; следует добавить, что многие офицеры и некоторые нижние чины, отправляясь в экспедицию сроком до 6 лет, взяли с собой семьи — жен и детей, содержание которых было возложено также на экспедицию.

Для выполнения поставленных ей задач экспедиция должна была не только иметь суда для своих отдельных отрядов, но и провиант, необходимый для того времени, пока шла постройка судов, и особенно когда будут происходить самые плавания. В разных условиях Западной и Восточной Сибири тех лет обе задачи — постройка судов и снабжение провиантом — разрешались по-разному: быстрее в Тобольске, чем в Якутске и далеком Охотске. В связи с этими основными моментами жизни экспедиции в 1733—1740 гг. вся деятельность Беринга и его ближайших сотрудников распадается на несколько этапов. Если часть средств, инструментов и припасов везли уже из Петербурга, откуда еще в феврале 1733 г. выехали первые партии во главе со Шпанбергом, то многое другое предполагалось получить в пути до Тобольска, а в Тобольске и других сибирских городах рассчитывали достать провиант и все необходимые строительные материалы; сибирские же воеводы должны были доставить рабочих, суда и лошадей для перевозки грузов. На экспедицию ежегодно доставляли, позднее из Иркутска до 50 тыс. пудов муки ржаной и до 3 тыс. пудов круп, не говоря уже о других продуктах. Сношения Беринга и других руководителей экспедиции по всем вопросам снабжения состав-

ляют основное содержание громадной переписки, которую им пришлось вести с местными учреждениями, и особенно с якутскими и охотскими воеводами. Если в Тобольске (куда Беринг прибыл 2 декабря 1733 г., и откуда 16 декабря 1734 г. уехал) все дела о судах и провианте были разрешены быстро, то при отсутствии в северо-восточной Сибири хлеба, вина и других припасов сношения потребовали большего времени.

Беринг задержался в Якутске почти на три года и, не закончив всех сношений и хлопот, по настойчивому требованию Адмиралтейств-коллегии, не представлявшей всех трудностей с получением на месте, в Якутске, нужных материалов и припасов, переехал в Охотск в августе 1737 г., где провел три года в еще более трудных хлопотах и борьбе с местными властями — Якутской и Охотской канцеляриями, через которые шла доставка. Несмотря на то, что в Якутске и Охотске для ускорения доставки грузов по невероятным дорогам Якутии находился кто-либо из офицеров экспедиции, все же дело шло очень медленно и плохо, и потребовалось назначение из Петербурга двух специальных лиц — офицеров Ларионова и Толбухина, облеченных большими полномочиями: они обязаны были вести сношения с местными иркутскими, якутскими и другими канцеляриями и принимать все меры к скорейшей доставке припасов, материалов и пр. для экспедиции. Побуждая и настойчиво требуя содействия, экспедиция становилась в очень трудные отношения с местными властями. Прежде всего появились нарекания на Беринга за вмешательство в не подлежащие его ведению дела. Переписка по этому вопросу доходила до Сената, и Берингу категорически было запрещено касаться подобных дел.

В 1741 г. в письме кабинет-министру А. И. Остерману Беринг отмечал, что многие безобразия и беззакония удалось бы приостановить, если бы указом Сената ему не было запрещено подобное вмешательство. Недовольные настойчивостью Шпанберга, Беринга и других членов экспедиции, добивавшихся тех или иных мероприятий в интересах скорейшего проведения экспедиции, местные власти в сношениях с Петербургом не жалели красок, чтобы не только опорочить неприятных им лиц, но и все дело экспедиции поставить под сомнение. Число доносов с мест по адресу Шпанберга, Беринга и др. росло с каждым годом их пребывания в Якутске и Охотске. Центральные учреждения не могли постоянно проходить мимо них, и в нескольких случаях этим доносам был дан ход, причем расследования поручались или местным должностным лицам (иркутскому вице-губернатору А. И. Бибикову), или же кому-либо из офицеров экспедиции, преимущественно А. И. Чирикову. В последнем случае следователь попадал в очень трудное положение, так как имел дело или со своим начальником — Берингом, или со старшим по чину — Шпанбергом, прославившимся в Сибири своим бурным и неуравновешенным характером. Так портились и личные отношения между отдельными участниками экспедиции, которые, к сожалению, и в иных случаях не всегда жили дружно. Некоторые из них (Плаутин) занимались писанием доносов на своего начальника, и на основании их Адмиралтейств-коллегия должна была вести также расследования, причем в последние годы жизни Беринга за ним числилось несколько дел, возникших на основании доносов подчиненных ему лиц.

Отношения между Берингом и его подчиненными не всегда отличались тем спокойным духом подчинения и дисциплины, которые были необходимы в таком большом предприятии. Не обладая твердым характером, Беринг часто уступал окружавшим его офицерам, особенно таким энергичным и самостоятельным, как Шпанберг, или таким настой-

чивым, как Ваксель. Уступая офицерам и нередко вполне им подчиняясь, Беринг старался быть строгим и требовательным к ученой части экспедиции: его отношения к Стеллеру во время американского путешествия давно уже описаны самим Стеллером; Стеллер искренно негодовал на Беринга за пренебрежение научными интересами во время пребывания их в Америке. В угоду офицерам Беринг отстранил ученого даже от обсуждения важных вопросов экспедиции. Напряженность отношений Беринга к профессорам Миллеру, Гмелину и Делякройеру, основанная также на нежелании Беринга и некоторых поддерживавших его офицеров считаться с научным авторитетом ученых, служила предметом переписки ученых с Академией Наук и Сенатом. После 1737 г. только профессор Делякройер и его помощник А. Д. Красильников, некоторые геодезисты и пробирный мастер Гардеболь продолжали получать руководящие указания от Беринга. Стеллер, приглашенный лично Берингом, согласился участвовать в американском путешествии на «Святом Петре» и вести научные исследования, но был поставлен в такие условия, что только благодаря своей настойчивости и упорству все же мог собрать весьма много данных об Алеутских островах и Америке. То пренебрежительное отношение к ученым и их интересам, которое было проявлено Берингом и его офицерами, наблюдалось также во время последующих совместных путешествий XVIII—XIX вв. моряков и их спутников — ученых.

В сущности, Беринг не обладал всей полнотой власти, так как инструкции Адмиралтейств-коллегии и Сената обязывали его решать вопросы «по общему всех экспедицких офицеров определению». Так, например, в апреле 1737 г. вопрос о приостановке плаваний к западу и востоку от Лены был решен «в общем собрании» капитана-командора с капитанами Шпанбергом и Чириковым и лейтенантом Вальтоном; в отступление от инструкции, был решен в конце того же 1737 г. вопрос о постройке силами экспедиции двух пакетботов не на Камчатке, а в Охотске. Когда на Камчатке весной 1741 г. вспыхнуло восстание камчадалов рек Утколоки и Подкагирной, решение послать против них отряды прапорщика Левашева и П. Борисова явилось также определением капитана-командора «и прочих экспедицких офицеров»; об устройстве Берингом «консилиумов» во время американского вояжа читаем и в судовом журнале и в описании этого путешествия, составленном Г. Стеллером. Из рассказов последнего особенно ясно, что решающее слово во время обсуждения чаще всего принадлежало не Берингу, а таким «экспедицким офицерам», как С. Ваксель и С. Хитрово, причем старые моряки, вроде штурмана Гейзельберга, не имели в глазах Беринга такого значения, как упомянутые лица, против которых Стеллер резко выступает в своем описании американского вояжа.

В связи с этим и ответственность за многие важные моменты деятельности экспедиции, особенно в 1740—1741 гг., ни в коем случае нельзя возлагать на одного только Беринга.

Уже поставленный в литературе вопрос об отношениях Беринга и Чирикова должен разрешаться теперь более спокойно, чем это делалось сто лет назад академиком К. М. Бером и А. П. Соколовым. А. И. Чириков справедливо считался крупнейшим морским авторитетом своего времени. Умный, образованный, скромный и твердый, рекомендованный Петру адмиралами Сиверсом и Синявиным, Чириков проявил себя уже в первую экспедицию Беринга. Назначая его во вторую экспедицию в товарищи Беринга «из русских», «не по старшинству, а по знанию и достоинству», Адмиралтейств-коллегия «утверждалась на нем по искусству его, не без надежды в той экспедиции доброго плода, чего ради

в общий совет во всех отправлениях с капитан-командором Берингом сообщен».

Коллегия предполагала произвести Чирикова «для куражу» в следующий чин, но так как только что состоялось повышение его при изменении штатов, то ограничилась определением ему старшинства перед произведенными по штатам, чем он стал выше нескольких человек и оказался непосредственно под Шпанбергом. Находясь с июля 1732 г. в Казани, Чириков возвратился в Петербург перед самым отправлением экспедиции, в феврале 1733 г., и представил, как отмечено выше, весьма серьезные замечания на утвержденную уже инструкцию экспедиции, на основании которых она и была исправлена. Инструкция Адмиралтейств-коллегии обязывала Беринга принимать решения по вопросам, относящимся к науке морской, с общего согласия с капитаном Чириковым. Из переписки экспедиции видно, что Беринг вообще не отступал от этого требования, и положение Чирикова во второй экспедиции было весьма авторитетным, хотя неоднократные поручения Адмиралтейств-коллегии производить расследования различных обвинений против Беринга и Шпанберга часто ставили Чирикова в очень тяжелые личные отношения с обоими капитанами, особенно со Шпанбергом, который не скупился на угрозы и, например, в мае 1743 г., уже по возвращении Чирикова из американского вояжа в Якутск, грозил ему «обрубить» нос и уши. Несогласия с Берингом и Шпанбергом по многим вопросам в июне 1738 г. заставили Чирикова просить об освобождении от экспедиции; просьба не была уважена, и, к счастью для дела, Чириков продолжал свою работу, совершив исключительное по значению плавание к берегам Америки. Нападки на Беринга и экспедицию со стороны местной сибирской администрации и со стороны недовольных подчиненных ему лиц лишь в двух случаях привели к последствиям, имевшим влияние на ход экспедиции.

В октябре 1737 г. в Сибирском приказе было получено от охотского управителя Г. Г. Скорнякова-Писарева три конверта. В одном из них оказалось письмо на имя присутствовавшего в приказе бригадира Арсеньева. Скорняков писал: «от Камчацкой экспедиции до сего никаково приращения интересу не учинено и впредь не надеюсь быть, кроме великих государственных казенных убытков, ибо уже и ныне немалые убытки учинились в деле четырех морских судов, сделанных в Тобольску и Якутску, которые уже пропадают и пропадут, понеже на них никаково проходу никуды не сыскали, только на посланном из Якуцка, ходя между льдов, два порудчика (Прончищев и Лассиниус) и немало рядовых померло. Также и кроме убытку во взятье двойного жалованья многие учинились от них убытки в подводах от Якуцка до Охоцка, ибо уже до сего великое число тою экспедицией лошадей побрано, которые и померли; одним словом сказать, та экспедиция напросилась в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана. И Беринг уже и в Якуцку великие пожитки получил; не худо б было, чтоб жену ево, едущую в Москву, по обычаям сибирским, повелено б было осмотреть, чтоб явны были их пожитки».

Сибирский приказ представил в июле 1738 г. доношение в Кабинет, где ссылается также на письмо Арсеньева и на рапорты Скорнякова-Писарева. Писарев обвинял также Беринга и Шпанберга «в помешательствах в порученных ему делах и в непорядочных поступках». Кабинет, получив доношение, приказал 19 августа Сенату и Адмиралтейств-коллегии «рассмотреть... возможно ль оную Камчатскую экспедицию в действо произвести, дабы от того, хотя б впредь, напрасных казне убытков не было».

5 октября 1738 г. Адмиралтейств-коллегия уже имела подробный отчет о деятельности экспедиции: некоторые пункты инструкции Берингу и другим офицерам оказались к этому времени выполненными, или их начали выполнять; по обсуждении этого отчета Адмиралтейств-коллегия настаивала перед Сенатом о продолжении экспедиции, на которую к тому времени было уже затрачено свыше 318 тыс. рублей. На этот раз донос не имел результатов, но нападки на экспедицию продолжались.

Если экспедицию встречали многочисленные препятствия со стороны местной администрации, то не менее серьезными были препятствия со стороны местного населения. Под разными предлогами оно уклонялось от выполнения тяжелых повинностей (подводной и др.), которые ложились на него в связи с экспедицией. Наблюдатели якутов более позднего времени отмечают, что в памяти якутов жизнь в 30—40-х годах XVIII в. в связи с повинностями для экспедиции представлялась тяжелой и мрачной страницей их существования. Это недоброжелательное отношение местного населения использовалось администрацией для новых нападок на экспедицию, недовольство которой и после 1738 г. побуждало руководящие учреждения в Петербурге принимать свои меры.

Непосредственное руководство экспедицией в центре принадлежало Адмиралтейств-коллегии, во главе которой все эти годы стоял Н. Ф. Головин, прекрасно понимавший грандиозные задачи, стоявшие перед Берингом и его сотрудниками, действовавшими в исключительно трудной обстановке. В лице Н. Ф. Головина экспедиция и отдельные ее сотрудники имели постоянного защитника. Сохранившаяся переписка Беринга, Чирикова, Шпанберга, Д. Лаптева и других с Н. Ф. Головиным показывает исключительное доверие, которое питали к нему все его подчиненные, видевшие в нем не только начальника, но и справедливого человека, глубоко вникавшего во все их нужды и интересы.

За время работ экспедиции состав Адмиралтейств-коллегии менялся, и среди ее членов с октября 1739 г. оказались лица, которые нередко отражали настроения руководящих лиц, деятелей того времени, считавших, что на экспедицию уже затрачены огромные средства, что натуральные и иные повинности, возлагаемые в связи с экспедицией на население северо-восточной Сибири, составляют непомерную тягость, не оправдываемую той скромной пользой, которую принесла она до сих пор, что экспедиция работает очень медленно, и т. д. Эти настроения против экспедиции существовали еще в первые годы ее работы, но только через пять лет они получили свое выражение в суждениях центрального государственного учреждения страны, в Кабинете.

Попытка приостановить работу экспедиции, предпринятая в августе 1738 г., не удалась. В своем докладе Сенату 20 декабря 1738 г., с приложением особой выписки, представляющей отчет обо всем выполненном Берингом и его сотрудниками за пять лет, Адмиралтейств-коллегия настоятельно предлагала: «ту экспедицию действом производить, дабы издержанная на ту экспедицию немалая денежная сумма не могла остаться втуне». Сенат согласился с этим предложением.

Выступая защитницей экспедиции, Адмиралтейств-коллегия была очень внимательна ко всем нуждам экспедиции, старалась оказывать ей всяческое содействие и помощь, неоднократно ходатайствовала перед Сенатом и Кабинетом об отдельных нуждах экспедиции,— в частности, представляла о необходимости отрешения от должности начальника Охотского края Скорнякова-Писарева, с которым у Беринга и Шпанберга были постоянные ссоры и столкновения и который делал много вздорных сообщений об экспедиции и ее руководителях. Не зная

местных условий и затрудняясь вынести то или иное постановление по вопросам, которые ставил перед нею Беринг, Коллегия нередко предоставляла ему полную свободу с тем условием, чтобы учтены были «интересы ее императорского величества», как он их понимал.

Но вместе с тем, учитывая недовольство медленным ходом экспедиции и не всегда разбираясь в сложных отношениях, которые возникали у Беринга и других руководящих деятелей экспедиции с местными сибирскими властями, уже с начала 1735 г. Адмиралтейств-коллегия посылала Берингу подтверждения об ускорении похода, выговоры за медленность и нераспорядительность, грозила ему ответственностью и взысканием и в 1737 г. даже лишила его прибавочного жалованья за неприсылку во-время отчетов и медленное отправление в путь.

Наряду с этим Адмиралтейств-коллегия являлась настоящим руководителем экспедиции и нередко проводила государственную политику в вопросах, ее касающихся. Когда в конце 1737 г. был получен в Коллегии рапорт Беринга о приостановке плавания западного и восточного ленского отрядов в виду встреченных препятствий от льдов, Коллегия, вопреки мнению Беринга, офицеров и отчасти профессоров, настоятельно потребовала продолжения плавания и приняла целый ряд мер к тому, чтобы плавание возобновилось еще в 1739 г.; в ряде аналогичных случаев она нередко выступала против Беринга и его сотрудников, иногда отступавших перед трудностями.

Кроме Н. Ф. Головина, из членов Коллегии, принимавших живое участие в делах экспедиции, следует назвать вице-адмирала Н. А. Синявина, контр-адмиралов кн. М. М. Голицына, П. П. Бредаля, В. А. Дмитриева-Мамонова, капитанов-командоров Д. Д. Мишукова, Т. Трана, кн. В. Урусова, А. И. Головина, прокуроров И. Козлова и Ф. И. Соймонова.

В октябре 1739 г. состав Коллегии был сильно изменен, из старых членов остались лишь немногие. В 1739—1740 гг. в Коллегии несомненно шла борьба между старыми и новыми членами, которые видели в назначенном тогда вице-президентом Коллегии Ф. И. Соймонове своего руководителя; старые же члены попрежнему группировались около Н. Ф. Головина. В числе спорных вопросов была Камчатская экспедиция.

О деятельности Ф. И. Соймонова в качестве члена Адмиралтейств-коллегии, в особенности после вторичного назначения его в октябре 1739 г. в Адмиралтейств-коллегию, было высказано недавно едва ли правильное суждение. Являясь другом известного А. П. Волынского, кабинет-министра императрицы Анны, Соймонов в качестве обер-прокурора Сената выступил в 1738 г. против тех непорядков в морском ведомстве, виновником которых считали президента Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головина; борясь с последним, Соймонов выступал и против тех, кто у Головина находил большую поддержку. Это было одной из причин его недовольства и нападок на Беринга, которого, как уже отмечено, обвиняли в медленном ходе экспедиции. Казалось, что замена нерешительного и слабого Беринга энергичным и твердым Шпанбергом может ускорить окончание экспедиции, в особенности если отказаться от трудно выполнимого описания той части северного побережья, которое лежит к востоку от Енисея. В таком духе был задуман в конце 1739 г. план смены руководства экспедиции. Он был почти осуществлен в марте 1740 г., когда соответствующие указы получили уже одобрение Кабинета, но последовавшие в эти же дни арест и суд над Волынским повлекли за собой удаление Соймонова с его должности по Адмиралтейств-коллегии и задержку уже подписанных некоторыми кабинет-министрами указов. Дело свелось к очередному требованию подробного

отчета по экспедиции; это требование было получено Берингом в августе того же 1740 г. Занятый подготовкой переезда из Охотска на Камчатку, Беринг только в апреле 1741 г. послал в Петербург подробный отчет, который от него требовали. Он был получен в Петербурге в Кабинете уже после смерти Беринга и, по всем данным, был присоединен к делам Кабинета; во всяком случае в последующей переписке Адмиралтейств-коллегии и Сената по делам экспедиции он не упоминается и стал известен как ценнейший источник по истории экспедиции только в 1935 г.

Адмиралтейств-коллегия в 1741—1742 гг. продолжала отстаивать экспедицию и ее интересы; не располагая всеми данными о ней, она весною 1742 г. должна была составить еще один подробный отчет о расходах на экспедицию; требование отчета на этот раз исходило от Сената, где среди вернувшихся из ссылки деятелей времен Петра I и Петра II оказались лица, вроде не раз упоминавшегося Скорнякова-Писарева, резко отрицательно относившегося к экспедиции, и в особенности к ее руководителям, его преемник по управлению Охотским краем, б. полицеймейстер Петербурга А. М. Девиер и другие, которые, попав вновь на ответственные посты, не скрывали своего отрицательного отношения к экспедиции и неоднократно высказывались за ее окончание. В некоторых случаях эти люди, как, например, известный Г. Фик, автор многочисленных проектов петровского времени о коллегиях, пробывший в ссылке в Якутии свыше десяти лет и привезший оттуда много наблюдений о печальном положении северо-восточной Сибири, выступали с подробными записками. Фик указывал на вред, приносимый государству экспедицией, на которую расходуется много средств и которая налагает непосильные тяготы на местное население. Подобные мнения с каждым месяцем становилось все труднее оспаривать, так как наиболее деятельные защитники Беринга и его дела сошли уже со сцены: А. И. Остерман после ноябрьского переворота 1741 г. оказался под судом и в ссылке, Н. Ф. Головин, стоявший во главе Адмиралтейств-коллегии, в новое царствование уже не имел той роли и того значения, которыми он пользовался в царствование Анны. Так постепенно подготавливался конец экспедиции: все последние месяцы 1742 г. и первые месяцы 1743 г. об экспедиции ведется оживленная переписка между Сенатом и Адмиралтейств-коллегией, от которой требуют все новых и новых сведений о результатах экспедиции. Адмиралтейств-коллегия в это время еще не располагала сведениями о таких важных работах экспедиции, как американский «вояж», последние плавания Х. П. и Д. Я. Лаптевых и др. Когда, наконец, в Сенате были собраны материалы об экспедиции, далеко не полные, оказалось, что все же экспедиция сделала действительно очень много. Не говоря уже о больших работах в области географии, этнографии, истории и естественных производительных сил Сибири, выполненных в течение десяти лет профессорами Миллером, Гмелиным и их спутниками, и морская часть экспедиции могла показать многие результаты своей работы: описания и карты побережья Ледовитого океана от Архангельска до Енисея, частичное описание того же побережья от Енисея к востоку; Х. П. Лаптев, прибывший в Петербург во время обсуждения в Сенате вопроса об экспедиции, привез сведения о своих плаваниях в 1741 г.; наконец, описания и карты японского отряда во главе со Шпанбергом за 1738—1739 гг. находились также в Петербурге. Но противников продолжения экспедиции было, повидимому, довольно много, и одному из них,— как полагают, Скорнякову-Писареву,— принадлежит тот «экстракт» о Камчатской экспедиции, который приложен к докладу Сената; хотя он

полон искажений и неверных данных и о многом умалчивает, все же он несомненно сыграл роль в решениях Сената, который также полагал, что экспедицию нужно совсем «отставить», но ограничился лишь временной приостановкой дальнейших работ экспедиции в виду трудного положения в 1743 г. северо-восточной Сибири с доставкой хлеба и другого продовольствия из соседних Иркутской и Енисейской провинций, где уже несколько лет был недород хлебов и голод. В таком состоянии экспедиция, в лице ее многочисленных моряков — офицеров, матросов и нижних чинов, пребывала десять лет, до октября 1753 г., когда состоялось постановление Сената о возобновлении Камчатской экспедиции.

В те же дни, когда в Сенате принималось решение о временной приостановке экспедиции, в Петербурге был получен рапорт С. Вакселя от ноября 1742 г., в котором он описывает плавание «Святого Петра» к берегам Америки, пребывание русских моряков и их полную трудностей и лишений жизнь на острове, смерть Беринга и благополучное возвращение на вновь построенном гукоре в Петропавловск. Этот исторический документ, недавно впервые изданный на русском языке, читается до сих пор с большим волнением. Он не сыграл какой-либо роли в решении Сената и был присоединен к громадной переписке Адмиралтейств-коллегии, касающейся экспедиции. На основании утвержденного императрицей доклада Сената от 23 сентября 1743 г. Адмиралтейств-коллегия отправила соответствующие указы Чирикову и Шпанбергу. Переписка ее за последующие годы дает много данных о том, как свертывалось это грандиозное предприятие.

6

Обзор трудов отдельных отрядов экспедиции, выполненных ими в 1733—1742 гг., может быть, к сожалению, очень краток. Отдельные отряды, которым поручено было описание северного побережья Сибири, начали свои работы еще в 1734 г., и к концу 1737 г. уже определились известные результаты их деятельности: часть северного берега между Архангельском и устьем Оби была описана в 1734—1737 гг. трудами отряда, во главе которого стояли сначала лейтенант С. В. Муравьев и М. Павлов, а затем С. Г. Малыгин на судах «Экспедицион» и «Обь»; вместо намеченной для этого двухлетней кампании пришлось потратить четыре года. Но Адмиралтейств-коллегия твердо решила продолжать начатое, «не отлагая в другие времена»; Малыгин закончил плавание в две летние кампании 1736—1737 гг., достигнув устья Оби 22 сентября 1737 г.; обратный путь экспедиции в Архангельск, еще более трудный, под командой лейтенанта А. Скуратова, был совершен в два года.

На основании имеющихся карт и чертежей XVIII в. можно утверждать, что еще до Малыгина русские обходили морем северную оконечность Ямала и знали путь в Обскую губу. Хотя результаты экспедиции Малыгина признаются небольшими и поверхностными, следует все же отметить, что лишь после экспедиции 1734—1739 гг. появились первые морские карты части берега от устья Печоры до Оби.

Лейтенант Д. Л. Овцын, назначенный для описи берега от устья Оби до Енисея, начал плавание на дубель-шлюпке «Тобол» 14 мая 1734 г. и как в этом, так и в следующем году терпел неудачи. Задерживаемый льдами и противным ветром, в июне 1735 г. «Тобол» достиг только широты 68°40′. Когда сам Овцын и три четверти экипажа жестоко заболели цынгой, то по консилиуму с офицерами Овцын решил итти в обратный путь и в августе достиг устья Оби. Как и архангельскому отряду, ему по инструкции положено было совершить плавание в две

кампании, и без разрешения коллегии нельзя было предпринять новое плавание, к тому же иссякли запасы, и «Тобол» требовал исправления. Судно вернулось в Тобольск в октябре. Оправившись от болезни, Овцын поехал в Петербург, куда привез журнал, карту и обстоятельный рапорт. Коллегия приняла в январе 1736 г. все его предложения о продолжении начатых описаний; в новой инструкции было, между прочим, сказано: «а без окончания в совершенстве оной экспедиции возвращения не будет». Плавание 1736 г. было также неудачным, и Овцыну пришлось вернуться в Березов.

Лето 1737 г., замечательное по отсутствию льдов в западной части Северного океана, было благоприятным для плавания Овцына. На вновь выстроенном в Тобольске боте «Обь-почталион» вместе со старой дубель-шлюпкой, не встречая льдов, но задерживаемый противным ветром, он дошел в Обской губе до 74°2′, затем суда пошли к востоку. 16 августа они обогнули мыс полуострова, отделяющего Обскую губу от Енисея и названного Северо-Восточным, затем пошли в Енисейскую губу, куда прибыли 31 августа 1737 г. Отсюда плыли вверх по Енисею верст триста и, не доходя до Туруханска, застигнутые морозом, остались зимовать. О плаваниях 1736—1737 гг. были также посланы в Адмиралтейств-коллегию журнал и карта.

Исследование берега от устья Енисея до Хатанги, т. е. вокруг Таймырского полуострова, должен был произвести летом 1738 г. штурман Ф. Минин, сам же Овцын поехал в Петербург, но по дороге в Тобольск был арестован. По определению Тайной канцелярии, за дружеские связи с находившимся в ссылке в Березове кн. И. А. Долгоруковым Овцын был разжалован в матросы и отправлен в Охотск под команду Беринга.

В экспедиции Ф. Минина участвовали подштурман Дм. Стерлигов и рудознатец А. Лескин. В 1738—1740 гг. Минин выходил для исследования берега к востоку. Самым удачным было его плавание в 1740 г., когда он достиг широты 75°15′ N, откуда должен был из-за сплошного льда повернуть назад. Это место долго (до Норденшельда) оставалось крайним восточным пределом плаваний в Карском море.

Суда, назначенные для описи берегов к западу и востоку от Лены: дубель-шлюпка «Якутск», под командой лейтенанта Вас. Прончищева, и палубный бот «Иркутск», под командой лейтенанта Лассиниуса, вышли из Якутска в конце июня 1735 г. В отряде Прончищева находился подштурман Сем. Челюскин, геодезист Никифор Чекин, жена Прончищева и до пятидесяти человек команды. Прончищев должен был итти подле берега до устья Енисея. В конце августа он оказался в устье Оленека, где в виду позднего времени и наступления больших морозов зазимовал. В следующее лето он, из-за льдов, мог выйти в море только в начале августа, дошел до реки Анабары и направился затем к устью Хатанги; далее путь его лежал меж льдами к р. Таймуре, куда он прибыл 18 августа и стал затем подниматься к северу. 19 августа, достигнув широты 77°29′ N, попал в «самые глухие льды, ...которым и конца видеть не могли». Прончищев, болевший все время плавания, после консилиума с обер- и унтер-офицерами, решил возвратиться назад за невозможностью продолжать плавание. 23 августа подошли к устью Хатанги, а 25-го — к устью Оленека и из-за противных ветров только 2 сентября вошли в него. 29 августа Прончищев скончался. За ним вскоре последовала сопровождавшая его жена, похороненная вместе с мужем. После смерти Прончищева команду взял на себя Челюскин, вернувшийся в марте 1737 г. в Якутск.

Лейтенант Лассиниус должен был следовать из устья Лены подле берега до Колымы и, обойдя угол, который на карте был показан под

73°, итти подле берега до устья Анадыря. Он вышел из устья Лены в начале августа 1735 г. и последовал в направлении берега к юго-востоку, но из-за льдов только через неделю добрался до р. Хариулах (Караулах), впадающей в залив Борхая, где принужден был зимовать. Зимою открылась в команде цынга, и Лассиниус первым умер от нее 8 декабря. За ним последовала бо́льшая часть экипажа: из 52 человек осталось в живых только 13.

Преемником Лассиниуса был назначен старший обер-офицер экспедиции лейтенант Д. Я. Лаптев. На бот была назначена новая команда. Он должен был описать также острова, лежащие против устья Колымы. В конце мая 1736 г. Лаптев отправился на трех дощаниках из Якутска на взморье, куда должен был прибыть бот, зимовавший в Хариулах. Прождав напрасно, Лаптев направился туда пешком. 18 июля он принял команду над ботом, в конце месяца вышел из реки в море по направлению к устью Лены, где были оставлены дощаники, и только 7 августа мог приблизиться к ним, задерживаемый льдами и противным ветром. Через несколько дней он направился к северо-востоку, через два дня достиг широты 73°16′, на меридиане мыса Борхая, но здесь встретил громадные льды, которые стеною загородили путь. Наконец, уже настолько окруженный льдами, что почти не оставалось свободного прохода, Лаптев 14-го, после консилиума, решил итти назад, а «на предбудущий год на море не выходить, понеже к проходу до реки Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды». Во время зимовки на Лене весь экипаж Лаптева переболел цынгой. Следующим летом, в июле, Лаптев вернулся в Якутск, но не застал уже там Беринга. Захватив отчет Челюскина с журналом и картой, Лаптев поехал в Петербург.

Таковы результаты работ северных отрядов экспедиции к 1737 г. По вопросу о продолжении плаваний по Северному океану, которые не были ни в какой мере завершенными, среди самих участников, видимо, преобладало мнение, отчасти выраженное в приведенном выше решении офицеров отряда Д. Я. Лаптева; аналогичные мнения высказывались и в отрядах Овцына и Прончищева — Челюскина.

Хотя Берингу было известно постановление Адмиралтейств-коллегии о продолжении плаваний Овцына, если бы для успеха их потребовалась даже еще две кампании, он все же не решился продолжать исследования: «а как пойдут те дубель-шлюпка и бот и не пройдут и от льдов получат себе повреждение или паче и совсем пропадут — чего не дай боже, однакож все то в божьей воле — тогда взыщется на нас: чего ради без указа отправили и потеряли напрасно». Получив рапорты Лассиниуса, Лаптева, Прончищева и Челюскина, Беринг в апреле 1737 г. созвал консилиум, на котором было решено отложить ленские экспедиции до особого постановления о том Адмиралтейств-коллегии. Кроме офицеров, Беринг советовался и с профессорами, причем Делякройер от имени всех профессоров (его самого, Миллера и Гмелина) не советовал продолжать плавание; с своей стороны, Миллер представил историческую справку о плаваниях из Якутска к востоку («Известия о северно-морском ходе»), составленную на основании дел Якутского воеводского архива; из справки (впоследствии переработанной в большой труд — основное пособие по истории плаваний XVII—XVIII вв. по Северному и Восточному морям) было видно, что такие плавания бывали и в прежнее время, но в последние десятилетия почти прекратились. Все соображения по поводу плавания к западу и востоку от Лены были изложены Берингом в его рапорте в Адмиралтейств-коллегию 27 апреля 1737 г. Рапорт дошел до Петербурга только в конце года, а постанов-

ление Коллегии по этому поводу состоялось 3 декабря 1737 г.; оно было получено Берингом только 8 декабря 1739 г. Сущность его заключалась в следующем. Лейтенант Д. Я. Лаптев вновь был назначен в экспедицию, в тот же восточный отряд; вместо умершего Прончищева командиром дубель-шлюпок был определен лейтенант Харитон Прокопьевич Лаптев; им обоим были даны особые инструкции. Поход морем они должны были начать «как бы только ото льдов крайние препятствия миновали, не упуская нимало летнего благополучного времени. А ежели где крайняя невозможность по ходе постигнет, например ото льдов, в таком случае... обжидать премены и к походу возможности. А ежели такой способный случай придет, то без потерения времени в определенной вояж следовать. И буде конечное препятствие постигнет в такое уже время, как по тамошнему климату зима становитца и вода мерзнет, пред тем времянем возвращатца не в прежние дальние места, но искать способу, где б ближе зимовать можно было, дабы дальним назад возвращением в действии той экспедиции медления не иметь и времяни не потерять и по усмотрению где б по способности и безопасности ближе зимовать. И проводить те экспедиции во окончание в другое или в третье лето. А буде какая невозможность и в третье лето в окончание привесть не допустит, то и в четвертое лето. И всемерно, чтоб та экспедиция в окончание приведена была».

Подробно мотивированное постановление Коллегии положило конец всяким колебаниям в вопросе о необходимости поисков прохода не только на запад, но и на восток от Лены; оно требовало завершения важного и нужного для государства дела, значение которого было понятно уже в XVII в. Открытие морского пути на восток мимо Чукотки было сделано еще в середине этого века С. Дежневым. По этому пути плавали очень многие промышленники и служилые люди XVII в.— первых десятилетий XVIII в., затем он был почему-то забыт, хотя еще в 1725 г. в Енисейске Берингу рассказывали о возможности пройти на Камчатку из устья Колымы мимо Чукотки; нужно было этот полузабытый путь вновь открыть, и эта задача была поставлена Адмиралтейств-коллегией Д. Я. Лаптеву, который, кажется, не очень верил в возможность ее выполнения. Признавая большое принципиальное значение своего постановления, Коллегия вошла с доношением о нем императрице и в Сенат.

Назначенные для продолжения плаваний из устьев Лены, Х. П. и Д. Я. Лаптевы приступили к выполнению поставленных им задач летом 1739 г. Дойдя до мыса св. Фаддея (76°47′), где был поставлен маяк, обнаруженный через 180 лет экспедицией Амундсена, все время преследуемая льдами, дубель-шлюпка Х. П. Лаптева принуждена была зимовать в Хатангской губе. Зиму 1739/40 г. отряд использовал для сухопутного путешествия к устью Пясинги и описи берега к востоку и западу от устья Таймуры. Летом 1740 г. была сделана еще одна попытка обойти морем Таймырский полуостров, но она едва не привела к гибели судна и команды. В 1741 г. Лаптев решил отказаться от попыток пройти льды и описать полуостров с трех сторон с суши, что и было выполнено в марте — мае 1741 г. Оставшийся неописанным северо-восточный мыс полуострова был описан с суши в феврале — мае 1742 г. Челюскиным.

Некоторые исследователи (Врангель, Бэр) сомневались в том, что Челюскин открыл северо-восточную оконечность Азии, но после трудов А. П. Соколова, акад. А. Ф. Миддендорфа и Норденшельда все эти сомнения были оставлены. О штурмане С. Челюскине Миддендорф в

1849 г., между прочим, писал: «Челюскин — не только единственное лицо, которому удалось сто лет назад достигнуть северной оконечности Азии, а и обогнуть ее, но ему удался этот подвиг, неудавшийся другим, именно потому, что его личность была выше других. Челюскин — бесспорно венец наших моряков, действовавших в этом крае. При большой настойчивости, Челюскин из участников экспедиции всех точнее и отчетливее в своих показаниях».

Замена морских описаний сухопутными была позднее одобрена Адмиралтейств-коллегией.

Находившийся в Петербурге весною 1738 г. Д. Я. Лаптев получил указание Коллегии, в случае, если проход морем окажется непреодолимым, ехать для описи по берегу до устья р. Колымы и в виду враждебности живших далее к востоку чукоч, где береговую опись производить трудно, отправиться затем на Камчатку, взять там судно, плыть на нем до Анадырска и пытаться обогнуть Чукотский мыс от востока до р. Колымы. Принимая это решение, Адмиралтейств-коллегия уже не имела «сомнения» в том, «будто бы сходство Америка с Азиею имеют»; отсутствие сомнений объяснялось тем, что Беринг в первую экспедицию дошел до 67° и никакого «сходства» не нашел, и тем, что, по известиям, полученным от проф. Миллера и других, «явно, что с Колымы до Анадыра-реки морем хаживали».

Часть отряда Д. Я. Лаптева с ранней весны 1739 г. приступила к сухопутному описанию берега от устья Лены к Св. Носу и обратно до устья Лены, а другая часть — к описанию р. Индигирки; наконец, остальные, во главе с Д. Я. Лаптевым, отправились в июне на боте для морского описания берега, но все попытки подойти к нему оказались из-за льдов безуспешными, и пришлось, оставив бот, переехать 22 сентября на берег. Сюда вскоре явились закончившие опись морского берега с суши до р. Алазеи и трех устий Индигирки. Весной следующего 1740 г. была произведена опись берега от Алазеи до Колымы и рек Яны и Хромы. Во время своего пребывания здесь Лаптев от бывалых людей узнал, что произвести опись восточного побережья от Анадыря до Колымы совершенно невозможно из-за живших здесь воинственных чукоч, краткости времени для работы и отсутствия судна; по его же данным, и путь до Колымы и далее, судя по найденным на берегу Яны и Индигирки к востоку и западу выброшенным из моря якорям и снастям, остаткам погибших судов, труден, и мало надежд на его счастливое довершение.

На посланное донесение Адмиралтейств-коллегия все же отвечала в июне 1740 г.: «исполнять, усмотряя по тамошнему состоянию, с крайнею возможностью и ревностью по наилучшему ...рассуждению; а Чукотский нос, ежели возможно, обходить водою; ежели же за препятствием от льдов водою итти будет невозможно, то сухим путем». Летом 1740 г. были сделаны попытки двинуться на восток на стоявшем между льдами боте, чему сильно препятствовали льды; однако добрались до Большого Баранова камня, откуда из-за непроходимых льдов и позднего времени повернули назад к среднему устью реки Колымы, где и зазимовали. Тою же осенью были посланы геодезист Киндяков для описи верховьев Колымы и штурман Щербинин для исследования дороги на Анадырск. В 1741 г. Лаптев сделал последнюю попытку — пройти морем за Баранов камень, но при всех усилиях пробиться сквозь густые льды ему это не удалось. 6 августа, по словам рапорта Лаптева,— «принесши богу наше всепокорнейшее благодарение, что такой трудной и многобедственной и неизвестной путь морем, где было по силе человеческой возможно, проходили и к вечно достойному ведению исправно описали,

а о непроходимых местах достоверно свидетельства учинили. Учиня консилиум, что, за вышеобъявленными препятствиями, прибыть на Камчатку невозможно, возвратились в реку Колыму и впредь на оное море ботом не выходить». Лаптев отправился затем на собаках в Анадырский острог. Зимою с пути он послал людей для съемки берегов до устья Пенжины. Построив два гребных судна в Анадырске, летом 1742 г. произвел опись реки Анадыря и затем вернулся к своему судну в Нижнеколымск, откуда в начале 1743 г. отправился в обратный путь в Петербург.

Кроме порученного ему приготовления для всей экспедиции артиллерии, материалов, припасов, провианта, леса и пр. и строения судов, Шпанберг должен был готовиться также к плаванию в Японию, а для того строить в Охотске бригантин и дубель-шлюпку, которые и были заложены 4 июля и 22 октября 1735 г.; для третьего судна — бота с палубой — оказалось пригодным старое судно, оставшееся от первой Беринговой экспедиции. Суда были спущены на воду в июле 1737 г. и, в общем, готовы к походу, но из-за отсутствия морского провианта пришлось выход отложить до 1738 г., так как выяснилось также, что имеются в судах неисправности, для устранения которых были посланы мастеровые из команды Беринга, переехавшие с ним в Охотск в августе 1737 г.

Шпанберг отправился в плавание 18 июня 1738 г., а возвратился в Охотск 29 августа 1739 г.; он имел две кампании. В кампанию 1738 г., проходя Курильские острова, Шпанберг открыл до 29 новых островов, но из-за туманов и позднего времени до Японии не дошел и в августе вернулся в Большерецк. Его спутник Вальтон, отставший от Шпанберга, доходил до параллели Японии, но в Японии также не был.

Во время зимовки был выстроен еще один бот, отданный под команду квартирмейстера Эрта. В мае 1739 г. все четыре судна отправились в плавание и шли на этот раз к востоку от Курильской гряды до 42° широты, пересекли параллель отмеченной на карте Делиля земли Гамы и, конечно, ее не нашли; далее шли к юго-западу до 39°, а затем прямо на запад, к берегам Японии. 16 июня увидели берега Японии, остров Ниппон, и следовали до 37,5° широты, где остановились 22-го и оставались здесь до начала июля; затем шли на северо-восток, причем открыли много островов, принадлежащих к Курильской гряде. 24 июля подошли к Матсмаю. Так как на судах было уже много больных, пришлось возвращаться на Камчатку; в Большерецк прибыли 14 августа, а в Охотск 29 августа 1739 г. Побывал в Японии и Вальтон на своем боте. Он доходил до 33°28′. Шельтинг на шлюпке «Надежда», разлучившись с Шпанбергом, после трудного обратного плавания прибыл, наконец, в Большерецк, где и зимовал.

Отрядом Шпанберга в 1738—1739 гг. были открыты и осмотрены Курильские острова и северная часть Японии. Несмотря на то, что путевой журнал Шпанберга и его карты были в 1740—1741 гг. опорочены и записи в журнале были признаны всеми офицерами, находившимися в мае 1741 г. с Берингом в Петропавловске, неточными, тем не менее в общих очертаниях все эти места стали более определенными, и отмеченные на современных картах Курильских островов и Японии, как находящиеся в местах, посещенных Шпанбергом, земли Иезо, Кампании и остров Штатов должны были, наконец, исчезнуть с карт, так как ни экспедиция Шпанберга, ни экспедиция Беринга — Чирикова (о чем далее) их не обнаружили.

Рапорты Шпанберга об его плаваниях в Японию были получены в Петербурге еще в 1739 г. и произвели здесь большое впечатление; выше

уже отмечено, что даже было предположение поставить Шпанберга во главе всей экспедиции и вполне одобрить намечавшуюся им новую экспедицию для приведения в подданство жителей ближних Курильских островов; полученные позже в Петербурге, в феврале 1740 г., журнал и карта Шпанберга даже его сторонниками были признаны полными ошибок, но все же его продолжали выдвигать. Смена руководства всей экспедиции не состоялась; ехавший в Петербург по срочному вызову Шпанберг принужден был с дороги вернуться в Охотск. В 1742 г. Шпанберг совершил еще одно, но совсем неудачное плавание в Японию.

Плавание американского отряда, откладывавшееся из-за неготовности обоих его судов и недостатка провианта, началось только в июне 1741 г. 8 сентября 1740 г. пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» покинули Охотск и в конце сентября — начале октября, обойдя Лопатку, прибыли в Авачинскую губу; сопровождавшие пакетботы дубель-шлюпка и галиот с провиантом принуждены были остаться зимовать в Большерецке; провиант пришлось затем возить сухим путем, чем были причинены большие тяготы камчадалам. В Авачинской губе была устроена Берингом гавань, получившая от заложенной здесь церкви название Петропавловской. Команда обоих пакетботов, размещенная по камчатским острожкам для пропитания, в конце марта была уже в сборе, и Беринг намерен был при вскрытии губы отправиться в плавание.

Пакетботом «Св. Петр» командовал сам Беринг; команда состояла из 77 человек: среди офицеров находились: Свен Ваксель, мастер Софрон Хитрово, определенный на службу в экспедицию в 1740 г., штурман Эзельберг, подштурман Х. Юшин; в числе матросов находился разжалованный из лейтенантов Д. Л. Овцын, к которому Беринг относился исключительно тепло. По приглашению Беринга пакетбот сопровождал адъюнкт Академии Наук Г. В. Стеллер, который должен был производить изыскания руд, металлов и вообще заниматься научно-исследовательской работой.

Пакетбот «Св. Павел» шел под командой А. И. Чирикова, в качестве лейтенантов у него были И. Л. Чихачев и М. Г. Плаутин, мастер А. М. Дементьев, штурман И. Елагин — всего вместе с командой 69 человек. На этом же судне находился астроном Делякройер, брат астронома И. Н. Делиля; он должен был вести свои наблюдения в пути, но, страдая запоем, ничего не сделал.

О плавании самого Беринга сохранилось несколько источников: современные записи в виде судовых журналов, которые вели лейтенант С. Ваксель, мастер С. Хитрово и подштурман Х. Юшин; из современных источников к настоящему времени утерян судовой журнал, который вел сам Беринг, и такой же журнал штурмана Андриса Эзельберга. Кроме судовых журналов, сводку данных имеем в рапортах о совершенном плавании, которые были представлены в Адмиралтейств-коллегию лейтенантом С. Вакселем, заменившим Беринга после его смерти 8 декабря 1741 г., и в Сенат — адъюнктом Г. Стеллером. Наконец, имеются и более поздние известия о плавании: описание, составленное в 1742—1743 гг. тем же Стеллером, и другое такое же описание, составленное около 1758 г. С. Вакселем и лишь недавно опубликованное. Сохранилось несколько писем участников плавания (Г. Стеллера, Д. Овцына), которые дают некоторые подробности, отсутствующие в других источниках. Многие из этих источников были уже известны Г. Ф. Миллеру, когда он в 1755—1757 гг. работал над «Описанием морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с российской стороны учиненных». Однако некоторые подробности остались ему неизвестными.

В соответствии с особым указом Сената и инструкцией оба пакетбота дожны были следовать, прежде всего, по пути, указанному на карте Делиля. На этом пути они должны были найти землю Гамы, которая отмечалась на всех современных картах. Очень скоро, еще до того как оба пакетбота были разлучены, было выяснено, что на указанной Делилем широте никакой земли Гамы нет; как уже отмечено выше, то же было установлено еще Шпанбергом, который также выяснил, что сведения карты Делиля в этой части являются ошибочными. Но установление этого важного факта задержало оба пакетбота, и участники плавания на «Св. Петре» склонны были последующие трудности и неудачи приписывать неверной карте, из-за которой они взяли неверный курс; впрочем, курс они меняли несколько раз и, как справедливо указывает Стеллер, по причинам, не всегда понятным даже таким старым морякам, как штурману «Св. Петра» Эзельбергу. Все важные решения Беринг принимал после совещания с обер- и унтер-офицерами, среди которых бесспорным влиянием на Беринга пользовались С. Ваксель и его друг Софрон Хитрово; Стеллер, недовольный некоторыми решениями Беринга, справедливо считает, что Беринг принял их по настоянию указанных лиц. В своем описании плавания[1] С. Ваксель, защищаясь против обвинений Стеллера, хотя и не называя его, в сущности подтверждает мнение Стеллера, что общее руководство плаванием, особенно в последние четыре месяца жизни Беринга, когда он болел цынгой, принадлежало не столько Берингу, сколько С. Вакселю и С. Хитрово. На «Св. Павле» Чириков все время, даже когда он был уже болен, руководство сохранял в своих руках и, нередко созывая консилиумы, все же окончательное решение оставлял за собой.

До 20 июня оба пакетбота шли в виду друг друга, но 21-го «Св. Павел» стал невидимым для своего спутника. Дальнейший путь протекал для каждого судна особо.

В судовом журнале «Св. Петра» 21 июня показана прежде всего перемена курса, по которому направлялся пакетбот. С 1 июля на судне пришлось уменьшить пищу и «пойло». 17 июля впервые увидели землю — «высокую сопку» — гору Св. Ильи на 59°40′ N.

Подойдя ближе к земле, стали 20-го на якорь у острова, который назвали островом Св. Ильи (Каяк). Посланные на остров Хитрово и Стеллер собрали на нем разные предметы. Нашли даже остатки жилья. Но приезжавших сюда и, вероятно, спрятавшихся людей не видели. За шесть часов пребывания на этом острове Стеллер произвел свои знаменитые сборы и наблюдения, которые были обработаны им позднее и дали первые научные сообщения о флоре, фауне и природе Америки. Для «приласкания» островитян были посланы Берингом «подарочные вещи» (крашенина, ножи, корольки и др.). Как и Чирикову, «Св. Петру» не удалось подойти «к матерому берегу». Боясь оставаться далее в открытом море, Беринг стал спешить: разными курсами дошли к 27-му до 56°54′, где видели берег, но, боясь держаться вблизи него, стали итти дальше от берега, когда 22 августа неожиданно увидели остров (Укамок), а через два дня еще пять островов (Евдокеевские).

В виду увеличения цынготных больных, наличия противных ветров, недостатка пресной воды, на консилиуме 27-го было решено искать землю; 29-го увидели много островов (Шумагинские); на одном из них оказалась вода, а на другом ночью видели огонь. Посланные сюда люди

[1] «Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга». Перев. с рукописи на нем. языке Ю. И. Бронштейна под ред. и с предисл. А. И. Андреева. М.—Л., изд. Главсевморпути, 1940.

имели первую встречу с американцами (алеутами), весьма подробно описанную Вакселем и Хитрово; изображение этих американцев и их байдар дано на карте Вакселя, изданной в приложении к его книге, упомянутой выше. Продолжавшиеся жестокие ветры, рост цынготных больных, из которых некоторые умерли, бессилие остальных — все это заставляло думать о возвращении. Продолжая плавание, открыли еще несколько островов (Св. Маркиана, Св. Стефана, Св. Авраамия и др.). 4 ноября увидели вновь землю, на 53° (54°) с. ш.. Ввиду наличия 40 больных и слабости остальных членов экспедиции, «от чего пришли в немалой страх, ибо тогда, можно сказать, судно было почти без правления, понеже тогда (из) команды... людей находилось таких, которые через великую мощь ходить о себе могли, только восемь человек, а... протчие все лежали больные при самой смерти». На консилиуме из офицеров и матросов, собранном у больного Беринга, было «решено» в море более не ходить, но искать «якорное место»; оно было найдено; вскоре корабль отнесло совсем близко к берегу. Началась свозка больных на берег. Попытки установить, что за земля, к которой пристал пакетбот, оказались бесплодными. В конце ноября великим штормом пакетбот был выброшен на берег. «...Декабря против 8-го числа умер капитан-командор Беринг в цынготной болезни», которою болел около 4 месяцев «безвыходно»; его похоронили на том острове, где зимовала команда «Св. Петра»; этот остров получил имя Беринга.

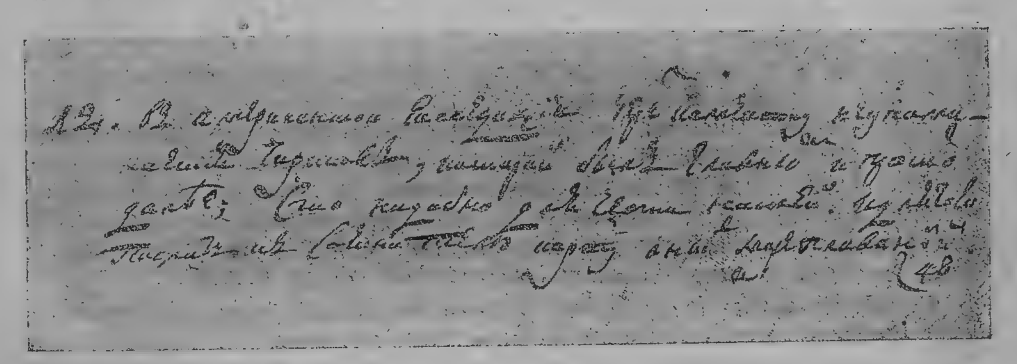
Заменивший Беринга С. Ваксель руководил командой, когда она строила из разломанного судна новое; оставшиеся на нем в живых только в конце августа 1742 г. вернулись в Петропавловскую гавань. Красочные описания беспримерно тяжелой жизни на острове даны Вакселем и Стеллером; оба они дополняют друг друга.

О плавании «Св. Павла» имеем два современных известия: в судовом журнале и в рапорте, который был послан Чириковым в Адмиралтейств-коллегию 7 декабря 1741 г., по возвращении пакетбота на Камчатку. Чириков, потеряв из виду «Св. Петра», продолжал путь и уже 15 июля достиг земли, которую на основании имевшихся карт (Гомана и др.) признал частью Америки (на 55°3′6″ с. ш.) и соответственно отметил на своей карте. Таким образом, Чириков на два дня раньше, чем Беринг, увидел американский берег, пристать к которому ему, однако, не удалось, но честь первого открытия берега Америки следует все же сохранить за ним, а не за Берингом.

18 июля Чириков был на 58° с. ш., но из-за трагической гибели посланных на берег мастера Авраама Дементьева с 10 вооруженными людьми, а затем посланных на поиски их еще 4 человек с боцманом Сидором Савельевым потерял ялбот и малую лодку и, таким образом, из-за отсутствия мелких судов не мог пристать к берегу, произвести нужное описание и набрать пресной воды. Попытка завязать сношения с американцами, которых Чириков видел в этом месте, также не удалась. 27 июля пришлось принять решение возвращаться назад. По расчетам Чирикова ему все же удалось рассмотреть до 400 верст земли и собрать необходимые сведения о ней. На обратном пути с 1 августа видели много земель, которые отмечали на карте. Путь задерживался из-за противных ветров; пришлось уменьшать количество выдаваемой пищи, воды и вина. К середине сентября «уже все люди были слабы, а по большей части пришла на многих болезнь цынготная... некоторые совершенно слегли и наверх не выходили». 4 сентября увидели землю, к которой могли подойти только 9-го (она оказалась на 51°4′ с. ш.). На следующий день подъезжала к судну 21 кожаная лодка с людьми, о сношениях с которыми была составлена подробная запись. 21-то ви-

дели еще одну землю; Чириков полагал, что виденные им в сентябре земли «меж собою соединения имеют»; ему казалось даже, что и все земли, которые встретились с 6 августа, также «меж собою соединения имеют». Болезнь овладевала все большим количеством команды; умерли лейтенанты И. Чихачев и М. Плаутин; сам Чириков страдал цынгой и «находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти». Судном управлял с 21 сентября штурман И. Елагин, тоже больной. 8 октября увидели Камчатку, 10-го вошли в Авачинскую губу, не имея совершенно пресной воды, а 12-го пришли в Петропавловскую гавань. 10-го скончался Делиль-Делякройер.

Летом 1742 г. Чириков, несмотря на плохое состояние здоровья команды и свое личное, сделал попытку добраться до той земли, которую он видел 21 сентября 1741 г.; благополучно доплыв до нее, пришли, однако, к заключению, что «оная остров, а не соединительная к Америке большая земля»; остров был назван в честь св. Феодора (о. Атту). Беспрестанные туманы, отсутствие вспомогательных судов и здоровой команды заставили Чирикова, после совещания с Елагиным и шкипером Коростелевым, возвратиться в Петропавловскую гавань; на обратном пути был открыт еще один остров св. Иулиана; на этом острове, названном позднее островом Беринга, находилась в это время оставшаяся в живых команда «Св. Петра», занятая постройкой нового судна; но Чириков подошел к острову с другой стороны и не мог ее видеть. 2-го он вернулся в Петропавловскую гавань, 12-го вышел в Охотск, куда прибыл 16 августа.

ОДНО ИЗ ЗАМЕЧАНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА НА ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ РЕДАКЦИЮ «HISTOIRE DE LA RUSSIE SOUS PIERRE LE GRAND» ВОЛЬТЕРА (1758)

*... 12. В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей, и для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний in 4to*

(Архив Акад. Наук СССР, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 34, пункт 12)

7

Несмотря на приведенные выше отзывы некоторых современников, следует сказать, что результаты экспедиций Беринга громадны.

В течение десяти лет, при невероятно трудных местных условиях, громадным напряжением сил самоотверженно трудившихся русских моряков отрядов Малыгина, Овцына — Минина, Прончищева — Челюски-

на — Х. Лаптева и Лассиниуса — Д. Лаптева был описан весь северный берег Азиатской России, от Архангельска до Колымы, на протяжении почти 120° долготы и, что не менее интересно и важно, впервые собраны сведения о возможности плавания в этих местах при тех технических условиях, которые существовали в то время. По компетентному отзыву специалиста, «при всей затруднительности работ в такой тяжелой стране, при всей бедности средств, предоставляемых тогдашним состоянием науки, опись сделана очень хорошо: немногое пришлось исправлять в ней впоследствии, и пункты, определенные просто угломерными инструментами, каковы градштоки и квадранты, оказались очень близкими к определяемым потом инструментами угломерно-отражательными, каковы секстанты и круги». Составленная тогда опись берега от Новой Земли до Колымы, в основном, до наших дней оставалась руководством для мореплавателей, а отчасти, как рассказывали мне плававшие в местах, где производил опись Х. П. Лаптев, остается таковой и до сих пор, т. е. в продолжение почти 200 лет. Кроме составленных ими описаний берегов Северного Ледовитого океана, северные отряды собрали драгоценные материалы по общей географии и этнографии края; выдающийся интерес имеют сведения Х. П. Лаптева, относящиеся к таким местам, где он был первым и долго после того единственным наблюдателем.

В последующие годы XVIII в. результаты работ северных отрядов экспедиции послужили материалом для М. В. Ломоносова, когда в 1755—1763 гг. он выступил со своими доказательствами возможности пройти Северным Ледовитым океаном с запада на восток. В оживленных научных спорах XVIII и отчасти XIX в. о северо-восточном проходе труды и подвиги русских моряков Второй камчатской экспедиции имеют исключительное значение.

Знакомство с Японией началось, как отмечалось выше, еще до экспедиции М. П. Шпанберга, но собранные о ней сведения (Козыревского, Евреинова) не были известны современникам, и лишь со времени экспедиции 1738—1739 гг. данные о Японии стали широко использоваться для русских государственных надобностей, а затем понемногу сделались достоянием европейской и американской науки и жизни.

Исключительное по трудности первое бесспорное плавание европейцев — русских людей под командой Беринга и Чирикова — на восток от Камчатки и открытие ими многих островов Тихого океана, а также северо-западного берега Северной Америки, составляют событие такого бесспорного значения, что не требуют каких-либо доказательств: это признано не только русской, но и западноевропейской и американской наукой. До войны шла усиленная подготовка к тому, чтобы достойно помянуть события 1741 г. — открытия русских в Тихом океане; в этом отношении много было сделано по подготовке юбилея в США, Дании и других странах; происходила подготовка и у нас, в СССР, но война помешала завершению этой подготовки. Будем надеяться, что в 1943 г., когда исполнится 200 лет окончания Второй экспедиции Беринга, удастся лучше и подробнее отметить ее громадные результаты не только для науки, но и для последующей жизни тех стран, которых касались открытия Второй камчатской экспедиции.

Тогда, может быть, удастся показать также, что не только труды русских моряков, но и 10-летняя работа русских ученых — профессоров и студентов Академии Наук, изъездивших в 1733—1743 гг. огромную территорию Сибири, составляют неистощимую сокровищницу знаний, из которой продолжают до сих пор черпать драгоценные сведения географы, этнографы, лингвисты и историки многочисленных народов Сибири.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Записка И. К. Кирилова о Камчатских экспедициях 1733 г.

При нынешнем благополучном самодержавстве государыни нашей императрицы, божиим милосердием и судьбами, щастием же ее величества два дела великой и бессмертной не токмо славы, но и к разширению империи и к неисчерпаемому богатству открываются: первое известное — Сибирская и Камчатская экспедиции, второе еще не открытое — киргиз-кайсацкое и каракалпацкое, и когда оные, прося у бога помощи, к совершенству произведутся, то надежду подает, что ко многому еще многое владение российское и доходы ко облегчению подданных прибудут.

Первое. Сибирская и Камчатская экспедиции всеми уже знаемые, но не всем же от нее надежда полезная известна, о чем отчасти ниже упоминается.

Начало же сего еще при Петре Великом с той причины, когда его величество изволил быть во Франции [1], и тамошняя Академия наук желала одного того (чрез посланных в Сибирь) уведаться, не соединилась ли Сибирь с Америкою, ибо ведают что иного ближайшего владетеля и такого охотника к тому изысканию, как его величество, нет. И хотя желание его величества было, но не допускали в действо произвести военное время и низовой поход. Между тем, в 1722 году, как его величество соизволил пойти в Персию, то в Казане явился геодезист Евреинов, который, будучи на Камчатке, западную сторону Камчатки и 16 островов, лежащих к Японии, описал и в карту положил, которую карту его величеству поднес, и повелено было ему ожидать возвращения, но точию вскоре умер [2]. Потом, когда между российским и китайским дворы произошли несогласия для перебещиков мунгал и в постановлении границ, то его величество, будучи в Сенате в 1724 году в декабре, желал видеть ландкарты сибирским землям, причем [я] имел дерзновение донести, что сибирской карты еще нет, по которой бы мог его величество удовольство иметь, а есть китайские, в Пекине печатаные, карты, в коих и сибирские пограничные места отчасти показаны. Сие приношение его величеству за приятно показалось, к чему смелость придалась и о камчатской Евреиновой карте помянуть, так что Камчатки гораздо далее Япония. Тогда его величеству неимоверно быть стало, однакож повелел: соедини камчатскую и китайские карты на один лист, положить и объявить, что то воля его величества. Чрез одну ночь своеручно нарисовал и объявил, кою изволил к себе взять. А как был я в Москве, видел ее у фельдмаршала графа Брюса и объявил, что получил он от его величества для скопирования [3]. В начале же 725 году, по кончине государевой, по его собственноручному указу, отправлен капитан Беринг, коему ни о чем ином, точию о проведывании, как выше объявлено, писано, и как он возвратился, то и восточную сторону Камчатки в карту прибавил и далее прежнего известия около 30 градусов длины ближе к Америке показалось [4].

Между тем, видев из отправления Берингова, что только одно известие, соединяется или не соединяется Америка, привезет, а о интересе настоящем от него ожидать нечего, то искал случая, каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить. Ажно явился приежжей из Якуцка казачей голова Шестаков (о котором иные сказывали добрым, а другие называли плутом) с доношением, требуя итти с партией на Камчатку для усмирения и покорения тамошних немирных народов и сыскания в подданство новых земель и островов, у коего довольно наведался о тамошних местах, приложил стараться о исполнении действом. И как то его предложение дошло в Сенат, то довольно учинено из Сената представления тогда бывшему Верховному Совету, откуду и апробация получена. И он Шестаков купно с капитаном Павлуцким и с партиею отправлен, с ними же иноземец Гардеболь, отчасти знающий в пробах руд, послан (которого в такую дальность уговорил и сыном назвал). И поныне Павлуцкой и Гардеболь там, а Шестаков убит от чюкоцкого народу. Что же в бытность они свою зделали, о том ее императорскому величеству в сенатском докладу об отправлении паки Беринга явно [5].

Также в 1731-м году к лучшему произведению сего полезного дела сочиненной мною проект о тамошних местах и пользах и что ныне иного и ближнего пути, как чрез Охоцк, нет, с показанием довольных резонов, вручил я бывшему тогда за генерал-прокурора графу Ягужинскому (ибо иного случая при дворе не имел) [6], и как он в Сенате объявил ея императорскаго величества в конфирмацию, то о учреждении в доброй порядок и о умножении людьми и о заводе хлеба и скота и о прочем в Охоцке и на Камчатке действительно зачало возымелось. И отправлен был командиром в Охоцк ссыльной Писарев, потому что способнее его к тому делу иного тогда не рассуждено [7].

Возвратившийся же из первой посылки капитан Беринг хотя имел свои предложения [8], но токмо по прошлой 732 год были без действа, а в том году уже особливым ее величества указом паки на Камчатку его Беринга отправить, а Писарева возвратить велено [9]. Богу же наставлющу, в чем придалось рачение и прилежность

во отправлении оного Беринга и особливо академических професоров и иных ученых и художественных людей со всяким довольством, так что Сенат с Адмиралтейской коллегиею [и] с Академиею Наук сносился, изыскивая, чем бы совершенство желаемой пользы достигнуть, причем сколько возможно по должности своей трудился. И по докладу сенатскому полная конфирмация декабря 28 того ж году от ея императорского величества получена и инструкциями полезными помянутой Беринг и прочие снабдены[10].

Сие оправдание важной экспедиции, каковой ни от ково никогда не бывало, состоит в разных изысканиях: во-первых, подлинно проведать, могут ли Северным морем проходить до Камчатского или Полуденного океана моря (я, по исследованию некоторых, конечную надежду имею, что могут). Второе — от Камчатки до самых американских берегов, где неизвестного места около 45 градусов длины, дойти. Третие — от Камчатки же до Японии, между чем расстояния получено 10 градусов сев. широты притти. Четвертое — в том походе и везде сыскивать новых земель и островов и неподвластных, сколько можно, в подданство приводить. Пятое — металлов и минералов осматривать. Шестое — разные обсервации астрономические как на земле, так и на воде зделать и подлинную длину и широту сыскать. Седьмое — историю о древностях и новостях и натуральную сочинить и прочая.

Ожидать же пользы той надлежит, что Россия с восточную сторону в соседи своим владениям в Калифорнии и Мексике достигнет, где хотя богатых металлов, какие имеют гишпанцы, вскоре не получим, однакож со временем и готовое без войны ласкою доставать можем, хотя ведаю, что гишпанцам сие не любо будет, к тому ж от гишпанцев весьма народ тамошней ожесточен, от чего принужденны в неизвестные места далее уходить (а иново места кажется нет, как к нам ближе). С здешнюю же сторону жестоко подтверждено таких народов не озлоблять (о чем особливо имею труд в сочинении полной инструкции камчатскому командиру, коя годится для всех диких народов)[11].

С полуденную же сторону все острова до самой Японии подлинно никому не подвластны, и уже 4 острова от команды Павлуцкого в подданство приняты. Тож и о Ессе и названной земли Компании рассуждать надлежит, что все не может миновать российского владения, только б к нынешнему началу не ослабевали впредь помощию. И хотя нигде на такой обширности бог не откроет тово, чем японцы богаты, точию не отринут японцы здешнего торгу, ибо лучше им из первых рук надобные товары наши получать, нежели у китайцев перекупные дороже доставать, к чему есть знаки добрые; а как из занесенных на Камчатку японцев молодой детина, с которым московской купец на Камчатке довольно жил, сюда привезен будет, то могут лучше поверить[12].

К размножению же сей новой восточной коммерции Россия особливо от бога одарена, что чрез всю Сибирь натуральные каналы, т. е. реки великие, пролегли, по которым суда с товарами способно ходить могут, и только в трех местах, и то небольшие, сухим путем переволоки. А Охоцк самой нужнейший там порт вскоре распространиться имеет, когда в нем командир главный жить будет. И ежели прямо морем от города конечно путь неудобной освидетельствован будет, однакож останется оных рек.

Здесь же пред европейцами, кои ходят в Ост- и Вест-Индию, великая выгода, что под экватор подъезжать и солнечной зной терпеть незачем, также и алгирцов и иных морских разбойников бояться не станут, и сверх того, что они в проезде у чюжих портов издерживают, а у нас все то подданным же в пользу придет.

Да и то к случаю годитца: когда китайцы похотят мир разорвать, можно к ним от Охоцка морем до самой Кореи на галерах или иных судах подходить, или корейцев, кои имели особливого владетеля и к китайцам лопыне противны и неверны, а землю имеют богатую и многонародную, в свою партию привесть, и к тому китайцев склонить, чего Россия пожелает; а сила их китайская, прежде сего, как взяли от малолюдства Албазин[13], была страшна, а ныне видно, что и с контайшею управиться не могут и принуждены на помощь калмык просить.

Впрочем в подробности польз и зависящего в том интереса ея императорского величества писать оставляю, но как с божиею помощью отправленные персоны доедут и по своим инструкциям в дело вступят[14], то частыми известиями наслаждаться будем. А о скорой пересылке писем, о почте, учреждение в Сенате сочиняется[15], чрез которую могут меньше трех месяцев с Камчатки письма доходить, а как в обычей войдет, то и гораздо скорее...

ЦАДА, Портфели Миллера, № 512, лл. 1—4[16]

1. В 1717 году.

2. Указ о посылке в экспедицию геодезистов Евреинова и Лужина дан 2 января 1719 г. (см. снимок). Встреча Евреинова с Петром по возвращении из экспедиции в

1722 г. произошла в Казани. Евреинов был назначен затем описывать Вятскую провинцию и в 1723 г. умер (подробности в моей статье «Русские экспедиции в Сибирь до Беринга»). Его карта Камчатки и 16 островов пока не отыскана, но она была известна И. Н. Делилю, который использовал ее для карты 1732 г., данной в руководство Берингу при отправлении его в «американский вояж».

3. Эта карта имеется в собрании карт Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук; она была издана Я. В. Брюсом (у Гомана) на одном листе с картой Каспийского моря. «Китайские карты», повидимому, сохранились в собрании карт и планов б. Московского главного архива Министерства иностранных дел (ныне Центральном архиве древних актов — ЦАДА).

4. Карта, сочиненная после Первой экспедиции Беринга в 1729 г. мичманом Чаплиным, имеется в нескольких копиях: в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук (№ 3552), в ЦАДА и др.

5. Переписка Сената об экспедиции якутского казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова и капитана Д. И. Павлуцкого, а также об их спутниках (штурмане Я. Генсе, подштурмане И. Федорове и геодезисте М. Гвоздеве) — в ЦАДА, ф. Сената, книга № 666. На основании этих и других материалов сведения об экспедиции у А. А. Покровского,— «Экспедиция Беринга», стр. 11—15, 69—76. Карта Я. Генса в бумагах С. П. Крашенинникова (ААН, р. 1, оп. 13). Так называемая «Карта Шестакова», воспроизводившаяся несколько раз по копиям Делиля, Леруа и русскому оригиналу, является исправленной и дополненной копией той, о которой говорится выше в примечании 3. Помимо общего сходства обеих карт, Леруа, при составлении описи карт Географического департамента Академии Наук, назвал эту карту «картой Кирилова»; автором «карты Шестакова» является, таким образом, все тот же И. К. Кирилов. В карту Шестакова — Кирилова И. Н. Делиль внес свои замечания и исправления,— так получился тот экземпляр этой карты, который воспроизведен в труде Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» между стр. 108 и 109.

6. Текст проекта Кирилова 1731 г. в ЦАДА, ф. Сената, кн. № 666, л. 52—57 об.; сообщен Сенату генерал-прокурором Ягужинским при предложении 27 февраля 1731 г.

7. Предложение генерал-прокурора Ягужинского Сенату 27 февраля 1731 г.— там же, л. 52; копия инструкции Г. Г. Скорнякову-Писареву из Сибирского приказа от 30 июня 1731 г.— там же, лл. 62—72, напеч. в Полн. собр. зак. № 4813.

8. Они напечатаны в приложениях к книге А. П. Соколова «Северная экспедиция»; в подлиннике их (ЦАДА, ф. Сената, кн. № 664) они датированы 4 декабря 1730 г.

9. Указ 17 апреля 1732 г. напечатан в «Полн. собр. законов».

10. Переписка Сената в упомянутых выше книгах 664 и 666, хранящихся в фонде Сената в ЦАДА; в «фонде Беринга» в Центральном государственном военно-морском архиве, который в значительной своей части является собственно фондом Адмиралтейств-коллегии, а также в фондах канцелярии Академии Наук о Камчатской экспедиции (ф. 3, оп. 1, № 2331). В Архиве Академии Наук имеются не менее ценные материалы об организации Второй камчатской экспедиции (В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX вв., М.—Л., 1940, стр. 38—69, 128—133).

11. Этот труд Кирилова пока мною не отыскан.

12. Об этом в статье А. С. Сгибнева «Первые сношения с Японией в XVIII в.» — Морск. сбор. 1869, № 11.

13. Известная война с китайцами, которая закончилась заключением в 1687 г. первого русско-китайского договора.

14. На основании этого места записки я отношу ее к первой половине 1733 г.

15. Указ о почте относится также к 1733 г.

16. Записка И. К. Кирилова переведена Г. Ф. Миллером на немецкий язык; перевод в том же портф. № 512. Об этой записке Миллер упоминает в своей истории Камчатской экспедиции (Материалы для истории Академии Наук, VI, стр. 253), но ни в одном из последующих исследований об экспедициях Беринга об этой записке не говорится; между тем она имеет исключительное значение для истории так называемых камчатских экспедиций (экспедиций Евреинова — Лужина, Первой камчатской, Шестакова — Павлуцкого и Второй камчатской), которые имели громадное значение для нашего утверждения в Тихом океане.

2. 1740 г. ноября 26. Письмо А. П. Горланова Г. Ф. Миллеру

Благородный высокопочтенный господин профессор, мой милостивейший государь!

Письмо, писанное от вашего благородия из Красноярска генваря 26, получил я в Иркуцке февраля 20 дня, за которое вашему благородию покорнейше благодарствую и всегда благодарить должен. Во оном письме ваше благородие изволили мне приказывать, чтоб я впредь вашему благородию о делах господина адъюнкта [1] не рапортовал, на что я нижайше доношу, что посланы были к вашему благородию репорты

по приказу господина адъюнкта, а без приказу бы его я того зделать никак не мог. По получении ж от вашего благородия письма и при том милостивого ордера ни репортами ни письмами о делах господина адъюнкта писать не буду. Что же я вашему благородию на полученное от вашего благородия письмо по сие число не ответствовал, нижайше прошу, чтоб меня в том благосклонно простить изволили, ибо из Иркуцка, по получении от вашего благородия письма, в скорости отправились на Лену реку в Киренской острог, а имянно марта 5, куды прибыли того ж марта 20 дня, где я так был глазами болен, что едва и видеть мог и едва мог оттуду к вашему благородию послать нижайший мой репорт и описание пути от Енисейска до Иркуцка и от Николской заставы до Баргузинского острогу [2]. Из Киренского острогу отправились мы на одном починеном дощанике из оставленных от вашего благородия дощаников маия 2 дня и, плывучи до Витимской слободы, в водяном пути нужды никакой не терпели; а как отплыли от Витимской слободы, то, отплыв верст с 15, наплыли на запор и почти безпрестанно промеж льдом с великим страхом плыли. В Якуцк прибыли маия 24 дня, где, получа ея императорского величества денежное жалованье на предыдущей 1740-й год, июня 15 дня отправились за реку Лену на ярмангу, где жили до 19 числа, и потом отправились в путь и августа 20 дня прибыли в Охоцк. При отправлении нашем из Якуцка взял я со мною провианта 25 пуд, под которой, кроме определенных мне четырех лошадей, нанял еще три лошади, ценою за каждую по 5 рублев по 75 копеек до Охоцка, а 25 пуд оставил в Якуцке, дабы перевезен был предбудущего 741 году в Охоцк оставленным в Якуцке от господина адъюнкта Штеллера берггауром Самойловым; а для транспорту оного провианта нанял 5 лошадей у якуцкого служивого Ивана Володимирова, а за каждую денег дал по 5 рублев по 75 копеек, и так на наем денег выдано 46 рублев. Из Охоцка отправились мы сентября 8 дня на новостроенном судне галиоте. Охоцке и были в морском пути до 20 дня сентября, а того числа вошли благополучно судном в устье Большой реки. Господин капитан командор Беринг на пакетботе С. Петре, а господин капитан Чириков на пакетботе ж С. Павле да господин флотской мастер Хитров на дуббель-шлюпке Надежде отправились из Охоцка того ж 8 числа. И устье Большей реки прошли оба пакетбота сентября 21 дня, а дуббель-шлюпка Надежда входила в устье для взятья на пакетботы бывших в Большерецком остроге штюрманов Елагина и Хметевского [3]; и хотя оная дуббель-шлюпка по несколькых днях и отправилась паки в море, дабы поспеть могла на Овачю, но для противных ветров на Овачю итти не могла и паки вошла в устье Большой реки и зимует здесь. Господин капитан Чириков на пакетботе Санкт Павле в Овачинскую губу прибыл сентября в последних, а капитан командор господин Беринг в первых числах прошедшего октября [4], и у его судна оторвало на море погодою малой бот, с которого некоторые снасти найдены на морском берегу. И в помянутой Овачинской губе оба пакебота зимовать будут. И оная губа названа ныне Петропавловским портом. Нижайше вашему благородию доношу: хотя мы сюда на Камчатку уже благополучно и прибыли, но скорого отсюда возвращения не чаю, ибо господин адъюнкт из Киренского острогу Высокоправительствующему Сенату представлял доношением и просил ежели, паче чаяния, вторично отправлен будет в Японию капитан господин Шпанберг, то б и он с ним отправлен был. А с собою намерен он взять живописца господина Беркгана да из нас с моим товарищем господином Крашенинниковым — одного [5]. И ежели то учинится, что повелено будет оному господину адъюнкту ехать с капитаном господином Шпанбергом и меня с собою возьмет, то еще в вящее могу притти разорение, а и ныне уже пришел от транспорту собственным моим коштом провианта. Сверх всего нижайше доношу, что описания пути от Якуцка до Охоцка, по приказу господина адъюнкта, мною не чинено того ради, что товарищем моим господином Крашенинниковым чинено [6], а к вашему благородию прислано. При сем к вашему благородию посылаю копию с морского журнала, чиненного штюрманом Василием Ртищевым [7]. Желаю вашему благородию вожделеннейшего здравия и всякого от бога благополучия. Вручая себя вашего благородия высокой милости со всяким почтением остаюсь и пребуду вашего благородия покорнейший нижайший слуга Алексей Горланов.

Из Большерецкого острогу
ноября 25 дня 1740 году.

Архив Академии Наук, ф. 21, оп. 3, № 100.

1. Г. В. Стеллера, с которым у Миллера и его друга Гмелина происходили в эти месяцы недоразумения из-за того, что Стеллер, минуя профессоров, пытался непосредственно сноситься с Сенатом.

2. Указанные здесь и далее труды А. П. Горланова сохранились в делах Второй камчатской экспедиции и в фонде Г. Ф. Миллера в Архиве Академии Наук.

3. Они были посланы на Камчатку еще в 1739 г. для составления карт; эти карты сохранились в «сибирских делах» ЦАДА (Покровский, Экспедиция Беринга, стр. 254—255, 329 прим.).

4. 7 октября 1740 г. (Покровский, Экспедиция Беринга, стр. 329).

5. Встретив около Якутска Шпанберга, направлявшегося в Петербург по срочному вызову оттуда, Стеллер задумал ехать с ним в предполагавшуюся тогда новую экспедицию в Японию, о чем просил разрешения Сената в одном из рапортов 1740 г. (Архив Акад. Наук, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 288—292). Беркан — художник экспедиции, сопровождавший с 1739 г. Стеллера в его путешествии на Камчатку; им сделаны в пути многочисленные рисунки, преимущественно ботанического и зоологического содержания, из которых сохранились лишь немногие; часть их воспроизведена в труде С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». В 1740 г. студент С. П. Крашенинников уже четвертый год занимался на месте изучением Камчатки, посланный туда Миллером и Гмелиным еще в июле 1737 г. (об этом в моей биографии С. П. Крашенинникова в «Сов. Севере» № 2, 1939); по приезде на Камчатку Стеллера Крашенинников поступил в его ведение.

6. Это описание пути из Якутска до Охотска, составленное С. П. Крашенинниковым, сохранилось в Архиве Академии Наук (разр. I, оп. 13, № 10, лл. 56—62 об.).

7. Кажется, речь идет о «Журнале пакетбота «Св. Петр» пути от Охотска до Авачинской губы и гавани Св. Петра под командой капитан-командора Беринга» (Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 58, лл. 1—15).

3. 1741 г. декабря 11. Письмо А. И. Чирикова Д. Я. Лаптеву

Милостивый государь мой и друг Дмитрий Яковлевич!

О несчастливом нашем мореплавании доношу[1]: отправились мы из здешней гавани вместе с господином капитаном-командором мая 29 числа, а 20 числа июня, при обычных на здешнем море всегдашних туманах, стал великий ветр, который нас разлучило с господином капитаном командором, и, по утишении сильного ветра, искал я его определенное время, точию сыскать не мог. И поныне он, господин капитан командор, со своим судном и сюды не возвратился,— статное дело, ежели не в несчастьи, то остался негде зимовать. А по разлучении с ним, господином командором, принужден был следовать в надлежащий нам путь один; и, переплыв отсюда близко полпушути тысячу верст, получили землю, которая у себя берега имеет, можно вменять, что неприступные, а именно везде каменные и крутые; и близ самых берегов море имеет глубину великую. Однако же необходимо надлежало мне об обстоятельствах оной проведать, чего ради послан от меня с десятью человеками Аврам Михайлович Дементьев на лангботе; точию общим моим и его несчастием он к нам со всеми людьми не возвратился, и, ожидая его к себе шестеро сутки, по присутствию всех офицеров, рассуждая, что не возвращается к нам за повреждением лангбота, послал на имеющейся при судне последней малой лодке мастеровых людей для починки; а для свозу их послан боцман Сидор Савельев, понеже он, сожалея посланных прежде людей, сам о посылке своей просил, но, по несчастью, и он сам-четверт к нам не возвратился, а послан был весьма в удобную погоду. А на другой день из того места, в которое посланы наши суда и где раскладыван был почти беспрестанно огонь, о котором мы чаяли, что держат посланные от меня служители,— вышли две лодки и гребли к нашему судну, точию к нам не приближались так, чтоб можно хотя в лицо людей рассмотреть, но издали на судно наше посмотрели, встав на ноги, прокричали «агай», «агай» и с великим поспешением возвратились и сильно погребли в прежнее свое место. Тогда мы рассудили, что посланные от нас, конечно, в несчастьи, ибо тогда уже настали осьмые сутки, как послан был от меня Аврам Михайлович; и, знатное дело, что от тамошних жителей, по обыкновенному их бесчеловечному суровству, побиты или задержаны; однако ж мы еще ожидали после выезду тамошних жителей часов 18 и, не дождавши, пошли в путь свой. И только осмотрели, чай, земли верст с пятьсот, и июля 27 числа, понеже нам не на чем стало обстоятельство земли разведывать и к пропитанию своему в прибавок получать воды, а были тогда отсюда весьма в дальнем расстоянии—возвратились к здешней гавани, но, несчастьем, возврат нам весьма продолжили стоящие противные ветры и нечаянная, лежащая на пути нашем возвратном, земля, которой, вперед идучи, и признаков не видали, и мало б об сию землю в тумане судна не разбили, и уже отстоялись на ней на якоре в 200 саженях, причём имели божией помощию вдруг утишившийся ветр и довольное время стоящая тишина; однакож с великим трудом от нее отошли, потеряв якорь. Приезжали к нам и люди в 21 лодках кожаных, в каждой по одному человеку; а ежели соблаговолите ведать, каковы собою те люди и как к нам выезжали, о чем может вам донесть посланный от меня солдат Сплавщиков. И во все время бытности нашей на море почти всегда были в смертной опасности и несли великий труд и претерпевали многую нужду, а именно: страх от того, что плавание имели в незнаемом море и подле неизвестных берегов почти со всегда стоящими туманами, которые на здешнем море гораздо больше стоят, нежели на иных морях; а труд от продолжения времени, понеже беспрестанно имели паруса 4 месяца и 6 дней, и от частых непокойных мокрых погод; а нужду претерпели от недовольства воды,

которого ради недовольствия однажды давалась в неделю служителям каша, а в прочие же дни питались холодным, и пить принужден был давать воду малою мерою, которою только б кажду утолить, да и та вода очень испортилась и издавала из себя дух весьма противный. При котором оскудении и я со всеми офицерами принужден был по-однаджды в день вареное кушать, и пили только чаю по две или по три чашки в день. А всех трудностей наших и описать невозможно. От которых трудов и от оскудения пищи и питья и от всегдашнего сырого воздуха постигла всех нас жестокая цинготная болезнь, от которой многие слегли, а остальные с нуждою и насилу судном управляли. И я с 20 числа сентября и по возврат в здешнюю гавань за тяжкою болезнью уже не мог выходить и наверх, и был при самой смерти не токмо на море, но уже и на берегу, и от ненадежды жизни не однажды, по обычаю, приготовлен был к смерти, чему виновны многие мои грехи пред богом. А сентября 26 числа помянутая злая болезнь лишила сего света Осипа Андреевича Катчикова, а октября 6 числа преставился премногосклонный ко мне благодетель Иван Львович Чихачев, после его через одне сутки преставился Михайло Гаврилович Плаутин, что случилось уже весьма незадолго до входа в Авачинскую губу [2], ибо, по милости не до конца гневающегося на нас бога, октября 6 числа увидели Камчатскую землю, а 9 числа вошли в Авачинскую заливу и стали на якорь, а 10 числа уже в Авачинском заливе преставился астрономии господин профессор [3]; между тем, еще умер Михайло Усачев, которого, чаю, изволили знать, да один служивый. 11-го числа вошли в здешнюю гавань. А осталось нас живых 50 человек, а 21 человек, по воле божией,— некоторые остались на удаленной земле в неизвестном несчастии, а прочие померли. Я после, по милости божией, от болезни имею некоторую свободу, однако ж ноги еще весьма болят и все в цинготных пятнах, и зубы коренные еще трясутся, как прежде почти все тряслися. И ныне я нахожусь в недоумении: хотя и подаст бог мне совершенное здоровье от болезни, то на море идтить не с кем, и снасти на судне худы. А жить здесь в праздности, из того будет не без траты интересу, понеже казенный провиант, который доходит сюды с великим трудом и дорогим коштом, принужден буду издержать напрасно. А без указу и до Охотска возвратиться не очень смею.

Алексей Чириков

Гавань св. апостолов Петра и Павла
Декабря 11 дня 1741 году [4].

1. Об этом плавании официальный рапорт А. И. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 г. напечатан А. А. Покровским в книге «Экспедиция Беринга», М. 1941, стр. 273—285. Самое раннее сообщение о нем Чириков дал в письме М. П. Шпанбергу от октября 1741 г.— там же, стр. 334—335. Некоторые новые подробности о плавании «Св. Петра» даны в той же книге на стр. 399—400.

2. О. А. Катчиков — «подконстапель», И. Л. Чихачев и М. Г. Плаутин — лейтенанты «Св. Павла».

3. Профессор — Людовик Делиль-Делакройер.

4. Как письмо «некоего А. Чирикова» к какому-то «Дмитрию Яковлевичу» оно было напечатано в «Русском Вестнике», 1888, май, стр. 431—434, причем в издании указано, что письмо извлечено из дела Комиссии о коммерции о проверке расчетов с таможенным откупщиком Шемякиным 1763—1765 гг.; как попало в это дело письмо А. И. Чирикова и сохранилось ли упомянутое дело, установить не удалось. Письмо издается по печатному тексту его.

4. 1742 г. мая 29. Письмо А. П. Горланова Г. Ф. Миллеру

Благородный высокопочтенный господин доктор и Академии Наук профессор, мой милостивейший государь!

По отсылке к вашему благородию отсюду ноября 25 дня 1740 году моего нижайшего письма [1], не имел случая вам, моему милостивейшему государю, покорнейшим моим писанием услужить и при том должный мой нижайший поклон объявить, в чем покорнейше прошу на меня гнев не возиметь, но нижайше прошу с благосклонностью сие мое нижайшее писание принять, которым вашему благородию нижеследующее донесть смелость возимел.

Как прошедшего 741 году марта 10, по письму от капитана командора господина Беринга, писанному из гавани святых апостолов Петра и Павла к адъюнкту господину Штеллеру генваря 28, а им, господином адъюнктом, полученному февраля 2 чисел [2], отправился он, господин адъюнкт, отсюды в гавань святых апостол Петра и Павла для восприятия с капитаном командором господином Берингом морского вояжа, а меня он, господин адъюнкт Штеллер, по отъезде своем отсюды в гавань святых апостол Петра и Павла здесь оставил до присылки от него из гавани святых апостол Петра и Павла ордера. И того ж 741 году маия 13 дня получил я от него, господина адъюнкта, письмо, которым велено было мне отсюда быть на дуббель-шлюпке

в гавань святых апостол Петра и Павла, куды я того ж маия 15 дня на дуббель-шлюпке Надежде и отправился. И вошли дуббель-шлюпкою в Авачинскую губу июня 4 дня прошлого 741 году и застали во оной губе стоящих судами на рейде господина капитана командора Беринга, у которого на судне и господин адъюнкт Штеллер, и капитана господина Чирикова, у которого на судне был господин профессор ла-Кроер. И будучи я на судне капитана командора господина Беринга, принял от адъюнкта господина Штеллера словесной приказ, дабы я, по прибытии моем в гавань святых апостол Петра и Павла, принял оставленную от него господина адъюнкта Штеллера у прапорщика Левашева инструкцию. И как я того ж числа прибыл в гавань святых апостол Петра и Павла, то принял от объявленного прапорщика Левашева оставленную адъюнктом господином Штеллером при письме на латинском языке инструкцию, по которой велено мне быть в той Петропавловской гавани до возращения его, господина адъюнкта Штеллера, и собирать растущие травы и прочее, написать вокабуляриум, в дополнение студента господина Крашенинникова выспрашивать о нравах и обычаях камчадалов и протчих живущих в здешних краях народов, и что еще студентом господином Крашенинниковым не исполнено, то велено пополнить. По которой инструкции собрал я прошлого лета растущие около Петропавловской гавани травы, сушил их и клал в бумагу и их имена, как они по-камчатски называются, записывал, и которые в пищу и в лекарство от руских людей и камчадалов употребляются со обстоятельством вносил в журнал. А семян их за очною болезнию, которою через целой месяц август одержим был, собирать не мог. Слова, которыми около здешнего Большерецкого острога и около Нижнято Камчатского острогу живущие камчадалы говорят, я выпросил, которых слов имеется у меня в собрании довольное число и хранятся у меня до прибытия господина адъюнкта Штеллера с капитаном командором господином Берингом из морского вояжа. Между тем выспросил я слова коряцкого языка, которым говорят оленные и сидячие коряки.

Господин капитан командор и господин капитан Чириков отправились в свой надлежащей морской вояж к северо-западным берегам для сыскания Америки июня 5 дня 1741 году, и были оба судна в море вместе чрез несколько дней и потом, для часто бываемых в море туманов (которые и при Петропавловской гаване летом почти ежедневно бывают), капитан господин Чириков от капитана командора господина Беринга отстал и был с командою в вояже один октября до 10 дня, а 10 дня вошел в гавань святых апостол Петра и Павла с небольшим числом людей, ибо в морском пути многие цынготною болезнию одержимы умерли, и из обер офицеров умерли два порутчика: Чекачев и Плаутин, не дойдя до Авачинской гавани за несколько дней, а господин профессор по входе в Авачинскую губу, а не дойдя настоящего порта, октября 11 дня прошлого 741 году, одержим цынготною ж болезнею, умер, которою так он, господин профессор, был жестоко болен, что зубы у него все повыпадали. А господина капитана Чирикова привезли с пакетбота на берег в квартиру едва жива, которой с прибытия своего лежал гораздо долго на смертной постеле. И ежели бы через неделю времени он господин капитан Чириков в гавань судном не вошел, то б конечно судно пропало, а люди бы померли, ибо воды уже была токмо одна бочка, и служителем довалось оной токмо по одной чашечке, чтоб токмо от великой жажды горло промочить могли. И едва только в губу объявленной господин капитан Чириков вошел, то зачался великой быть ветер противной, что едва на якорях судно стоять могло, а малых судов у них уже никаких не было. А где ныне господин капитан коммандор с командою обретается, известия никакого нет. И как оной господин капитан командор и господин Чириков отправились в морской вояж, то каждый из них на судне имел только взятого с собою в запас провианта до 400 пуд, а иного харчу никакого в запас не имели. И ежели господин капитан коммандор где зимует в пустых местах, то имеет он великую нужду.

Как в 740 году адъюнкт господин Штеллер из Якуцка в Охоцк и на Камчатку отправился, то взял он с собою провианта токмо на один год, а достальной провиант и иные вещи оставил в Якуцке, и там оставил он бергғаура Григорья Самойлова. А при восприятии морсково пути из Охоцка на Камчатку отправил он, господин адъюнкт, команды своей Охоцкого порта служивого Данилова, который был отправлен еще из Тобольска с ним адъюнктом господином Штеллером, и приказал оному служивому привезть свой весь оставленой в Якутцке провиант и иные вещи и мой провиант, которого оставлено там было 25 пуд, под которой провиант в бытность мою в Якуцке нанял я 5 лошадей, ценою за каждую дал найму по 5 рублев по 75 копеек. И как оной служивой из Якуцка отправился, то он привез в Охоцк провиант господина адъюнкта Штеллера и протчие вещи, а все ли он привез, что оставлено было господином адъюнктом в Якуцке, я не известен, ибо приказано о том от адъюнкта господина Штеллера господину живописцу Беркгану, дабы он у него принял о всем репорт. А моего провианту 25 пуд привезено в Охоцк и ныне оставлено в Охотцке. Понеже как объявленной служивой Данилов отправился из Охоцка сюды на судах господина капитана Шпанберга и привез токмо сюды провианта для господина адъюнкта две сумы муки и несколько богажу его господина адъюнкта, а прот-

чей господина адъюнкта богаж и провиант господина живописца Беркгана и мой оставил в Охоцке, где остался и берггаур Григорей Самойлов. И объявил он Данилов живописцу господину Беркгану, якобы господин капитан Шпангберг на суда грузить провианта господина адъюнкта и его команды много не приказал, то мне на сей год провианта ни фунта не привезено, и привезется ли сего лета, неизвестен, от чего принужден бы был я здесь покупать провиант по 4 рубли, ибо мой провиант весь уже изошел, которого из Охоцка со мною взято было 20 пуд. Но за особливо показанную милость и за неоставление господина капитана Чирикова благодарю и должен всегда благодарить, что я летом, живучи в гаване святых апостол Петра и Павла, довольствован был его столом, с сыном его вместе обедал и ужинал, а сына его учил по латински.

И жил я в гаване Санкт Петропавловской марта до 30, а марта 30 дня по писму геодезии прапорщика господина Красильникова[3] сюды отправился, но за обдержимою жестокою болезнию я сюды прежде как апреля до 16 дня приехать сабаками не мог, апреля 16 дня с великим трудом сюда приехал и ныне здесь обретаюсь. И принужден муки покупать пуд по четыре рубли, мяса пуд и крупы потому ж, масла коровья по 26 рублев пуд, соли по 8 рублев пуд, от чего вошел уже в великие долги. А рыбного корму ныне здесь мало, промыслы рыбные хотя и бывают, но мало, для того что камчадалы почти завсегда в каюрах (в подводах).

Господин флота капитан Шпангберг[4] прибыл сюды сентября 22 дня прошлого 741 году и жил здесь при остроге февраля по 3 число сего 742 году, а февраля 3 дня отправился он отсюды в Чекавинскую гавань[5] и оттуды прислал сюды геодезии подпоручика господина Скобельцына[6] и приказал как покойного господина профессора Лакроера команды, так и адъюнкта господина Штеллера всех людей без остатку выслать к себе в Чекавинскую гавань, которые в тот же день, в который подпоручик господин Скобелцын сюды приехал, в Чекавинскую гавань и высланы и там терпели от холоду несносную тесноту и великую нужду.

По приезде моем сюды из гавани святых апостол Петра и Павла был я у господина капитана Шпанберга, то спрашивал он меня, как я здесь оставлен и есть ли у меня от адъюнкта господина Штеллера инструкция, на что я ему господину капитану Шпангбергу объявил, что имею я от адъюнкта господина Штеллера инструкцию и при оной данную ему от Академии Наук и от вашего благородия инструкцию ж и с данной товарищу моему господину Крашенинникову от вашего благородия инструкции копию[7], и приказал было он господин капитан Шпанберг мне с данной от адъюнкта господина Штеллера инструкции сообщить себе копию, но как я сюды в острог возвратился, то, может быть, что он или про то забыл или по моему щастию зделалось, ни к геодезии подпоручику Скобельцыну о высылке меня на Чюкотку, ни ко мне, чтоб быть к нему в гавань, ордера не прислано. А в бытность мою у него господина капитана Шпангберга на судне, как он мне приказывал, чтоб я был с ним в море, объявить принужден был и сие: ежели он господин капитан меня в море возмет, то я весьма опасен, дабы дела адъюнкта господина Штеллера все утрачены не были, которые имеются почти все оставлены у меня на руках. По отъезде своем адъюнкт господин Штеллер оставил переписанные здесь мною разные чиненные им наблюдения, а имянно, описания трав, птиц, инсектов и выбрасывающихся из моря вещей; а описания рыб не было, ни здесь на Камчатке ни в иных местах у него я не переписывал, и те вчерне описания подлинно я известен, что он господин адъюнкт с собою в море взял; а о протчих описаниях, с которых мною набело переписаны копии, не могу быть известен, здесь ли оные им оставлены в ящиках, которые имеются за печатьми, или он их с собою взял; и ежели бы я подлинно знать мог, что черные описания находятся между оставленными его вещами, то бы я послал ныне к вам все мною переписанные наблюдения и мог бы переписать паки набело, но того ради токмо через великую силу переписал я описания трав, которые чинены им господином адъюнктом в 740-м году, в которых вам, как надеюсь, имеется наибольшая нужда. А протчие наблюдения я ныне послать к вам не могу для того, что я весьма одержим жестокою болезнию уже четвертый месяц, и ежели паче чаяния господин адъюнкт Штеллер сего лета сюды не будет, то предбудущей зимы надо будет разпечатать его господина адъюнкта ящик, и ежели найдутся чиненные им, господином адъюнктом, наблюдения вчерне, то я имеющиеся у меня в переписке набело разные наблюдения пошлю к вашему благородию при репорте; а ежели вчерне не найдутся, то, списав с них копии, отправлю к вашему благородию при репорте ж. И при том буду тщаться об отправлении к вашему благородию имеющихся здесь хлопчатою бумагою набитых разных птиц и собранных и высушенных трав и иных вещей.

Сего маия 23 дня отправился из устья Большой реки флота капитан господин Шпанберг в свой прежней вояж[8] и взял с собою почти всех команды покойного господина профессора и адъюнкта господина Штеллера людей, а оставил только одного служивого Осипа Аргунова за болезнию пищиком при раздаче провианта у прапорщика Ивашкина. И оной Аргунов и протчие служивые команды господина адъюнкта Штел-

лера, будучи в Чекавинской гаване, при работе провианту не получали и претерпевали несносную нужду, а наипаче тот Аргунов, ибо он с приезду своего сюды на Камчатку с господином Крашенинниковым провианту никакова не получал. При отправлении своем господин капитан Шпанберг оставил здесь солдата с репортами в Высокоправительствующий Сенат и в Государственную Адмиралтейскую коллегию для переезду отсюды сего лета на судне в Охоцк. И хотя я с тем солдатом намерен был к вашему благородию отправить репорт и сие писмо послать, дабы скорее оные к вам дойти могли, но тот солдат репорту к вашему благородию не принял, для того что капитан господин Шпангберг ему солдату писем ни у кого принимать не велел.

Господин капитан Чириков намерен был в свой вояж отправиться из гавани святых апостол Петра и Павла сего маия 20 дня, но известия еще здесь поныне никакого не имеется, отправился ли он, господин капитан Чириков, в надлежащей свой вояж или нет [9].

Оставя прочее, дабы ваше благородие чтением сего моего нижайшего письма не утрудить и что более за обдержимою меня тяжкою болезнию, которою уже четвертой месяц обдержусь, донесть ничего не могу. А болезнь моя сия есть: глазами очень худо вижу, головою так болен, что едва встать могу и более за делом часа сидеть не могу, но принужден часа через два лежать, а потом, паки встав, приказанные дела исправлять, и не знаю, что мне делать, ежели от той болезни мне никакова облегченья не будет. И ежели господин адъюнкт Штеллер возвратно сюды прибудет, буду его просить или о излечении, или об отпуске меня в Санкт Петербург. Хотя по известиям слышно, что милостивейшим указом ваше благородие возвращены в Санкт Петербург, что основательно за дальним расстоянием за подлинно принять невозможно, и ежели то подлинно учинилось, то со всеусердием моим желаю, дабы вы, ежели уже в Санктпетербурге, здраво и щастливо пребывали. А ежели о увольнении желаемого указа не получили, то желаю, дабы вам все то чинилось, что вы, мой милостивейший государь, от всех создателя бога желаете, и паче бы желание ваше исполнил бог, дабы милостивейшим указом уволены были от такой несказанной и трудной экспедиции и возвращены б были в Санктпетербург. Желая вашему благородию вожделеннейшего здоровья и щастливейшего пребывания, предая меня вашего благородия высокой милости, с наиглубочайшим почтением остаюсь и буду, благородный высокопочтенный господин доктор и Академии Наук профессор, мой милостивейший государь, вашего благородия нижайший покорнейший слуга Алексей Горланов.

Из Большерецкого острога
маия 29 дня 1742 году.

Архив Академии Наук, ф. 21, оп. 3, № 100.

1. См. выше, стр. 37—38.

2. Письмо Беринга Стеллеру в переписке последнего в Архиве Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 800, л. 335—335 об.

3. Геодезист прапорщик А. Д. Красильников работал во время экспедиции 1733—1741 гг. вместе с проф. Л. Делякройером; по отъезде последнего в Америку он оставался на Камчатке.

4. Об его плаваниях и отношениях к Берингу и другим — см. А. А. Покровский, Экспедиция Беринга, стр. 409—413.

5. «Чекавина... речка, от устья Большой реки верстах в двух бежит..: Примечания достойна она потому, что в ней морские суда зимуют, чего ради там и казарма для караульного и анбары от Камчатской експедиции построены» (С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, I. СПБ. 1755, стр. 26).

6. Петр Скобельцын — один из геодезистов, еще до начала Второй камчатской экспедиции посланный в Восточную Сибирь для составления ее ландкарт; он же вместе с геодезистом Вас. Шатиловым принимал деятельное участие в розыскании кратчайшей дороги от Амура к Охотскому морю (ср. А. А. Покровский, Экспедиция Беринга, стр. 132—134, 252—254).

7. Все эти документы, представляющие большой научный интерес, сохранились в делах Второй камчатской экспедиции в Архиве Академии Наук.

8. Об этом третьем плавании Шпанберга к берегам Японии некоторые новые сведения дает документ, напечатанный А. А. Покровским (назв. труд, стр. 288—290).

9. О вторичном плавании А. И. Чирикова к берегам Америки см. его рапорт в Адмиралтейств-коллегию от 18 октября 1742 г. — А. А. Покровский, назв. труд, стр. 290—294 (в легенде ошибочно отмечено, что рапорт хранится в «фонде гр. Головина», надо: в «ф. Беринга»).

5. 1742 г. ноября 25. Письмо Д. Л. Овцына М. П. Шпанбергу

Милостивый государь мой Мартын Петрович.

Купно и с благородною вашею фамилиею желаю вам вздравствовать и прошу пожаловать, не оставить о вашем здоровии писанием, котораго всегда желаю.

При упоминаемом доношу вам, моему милостивому государю, о бытности нашей. Минувшего 1741 году июня от 4 дня ноября по 6 были мы на море, где при многих случаях видели землю, и как июля 21 дня возвратились на воде, то всегда на курс наш имели пративные и сильные волевые ветры, и через искуство наших правителей пристали к нужному острову упомянутого ноября 5 дня, полагая себя между... и Камчацким мысами, где лежало судно на открытом море оного месяца по 28 число, и сорвало оное с якорей и потом, притесня к берегу, разбило. И к возвращению нашему были без всякой надежды. А питались на оном безлесном острову, что когда найти могли выброшенныии из моря всякими животными, и к тому ж на пропитание били палками котов, нерп, бобров, сиучей, а напоследок промышляли чрез ялбот манатов (или морских каров). И жили чрез всю зиму в парусных палатках. И из того утраченного пакетбота сделали с великим трудом малой гукор по килю 36, широтою в 12, глубиною в 4½ фут, на котором минувшего августа 26 дня сего года от 77 человек в 46 возвратились в Санкт-петропавловскую гавань, оставя на помянутом острову 11 пушек и другие припасы и материалы. А командор господин Беринг умре в прошлом 1741-м году декабря 8 дня. А о других случаях должен вам, моему милостивому государю, доносить персонально. Ныне же вас, моего милостивого государя, прошу: имею я слух, что определен в команде вашей; и ежель оное обстоятельно, то прошу вас, моего милостивого государя, определить меня ордером, где мне должно вас видеть: в Охоцкой следовать к вам или в Большерецком ожидать вашего прибытия. А я к весне поеду в Большерецк для подлинного о себе уведомления чрез прибывшие из Охоцка суда. Також вас, моего милостивого государя, прошу пожаловать, определить меня ордером о получении мне денежного жалования. И впредь прошу по окладу моему с протчими, к каманде вашей на меня оное требовать. Тако прекратя, остаюсь ваш, моего милостивого государя, доброжелательный слуга лейтенант Д м и т р и й О в ц ы н.

С[анкт] П[етропавловская] гавань
ноября 25 дня 1742 году.

ЦГВМА, ф. 1230, д. № 30, лл. 174—175.

1. Это письмо, полученное М. П. Шпанбергом на устье р. Майи между 10—19 апреля 1743 г., было им приложено к письму президенту Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головину от 19 апреля 1743 г. (А. А. Покровский, назв. труд, 335—336); оно было доставлено в Петербург одновременно с рапортом Свена Вакселя от ноября 1742 г. о плавании «Св. Петра» (рапорт С. Вакселя напечатан в приложении к его труду — «Вторая камчатская экспедиция В. Беринга», Л. 1940). Несколько позже (15 мая 1743 г.) о плавании «Св. Петра» написал из Якутска Н. Ф. Головину А. И. Чириков (его письмо напечатано А. А. Покровским, назв. труд, стр. 337—338); в нем А. И. Чириков, между прочим, писал: «в первой... нашей компании, бывшей в 741-м году, по разлучении со мною, господин капитан командор, имевшей севернее моего курш, нашел землю ближе моего, чаю, что не меньше, как тысячю верстами, но имели они... болше моего подле земли иттить в оную описать, прибавя земли на карту к виденной, знатно, по достоверному признанию, понеже несколько положено земли, которая лежит от пути по карте расстоянием близ 200 верст; и оною своею картою... утверждают и мое мнение, что видимая мною земля в разных местах меж собою нераздельная, о чем я рапортом своим 9 декабря 741 году Государственной адмиралтейской коллегии доносил. А наиболше соединение земли подтверждается виденными однообычными людьми нами в расстоянии от помянутой гавани святых апостол Петра и Павла в 1500, а ими в 2000 верстах». Карта, о которой идет здесь речь, издана мною в приложении к труду С. Вакселя «Вторая камчатская экспедиция В. Беринга»; рапорт А. И. Чирикова от 9 декабря 1741 г. не напечатан; он находится в ЦГВМА, ф. Беринга, д. № 44, и представляет не меньший интерес, чем рапорт 7 декабря 1741 г., изданный А. А. Покровским (назв. труд, стр. 273—285). Письмо А. И. Чирикова ценно также для характеристики этого замечательного русского моряка.

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Том LXXV, вып. 2 1943

Н. Н. СТЕПАНОВ

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКИХ НА ТИХИЙ ОКЕАН

XVII век в истории Сибири знает много имен смелых русских землепроходцев и землеискателей. Экспедиции Дежнева, Пояркова, Хабарова, Атласова прочно вошли в историю колонизации Сибири русским народом. Есть экспедиции и менее известные в исторической литературе, сыгравшие, однако, не менее славную роль в продвижении русского народа с европейских равнин на далекий восток, в безграничные северные тундряные и таежные пространства и южные необъятные степи. В своем поступательном движении на восток в какие-нибудь 50 лет русские землеискатели пересекли всю Сибирь и, начав двигаться с Камы в 80-х годах XVI в., в конце 30-х годов XVII в. вышли к Тихому океану.

Не так давно в нашей литературе отмечалось, что «Россия первой из европейских держав еще в 40-х годах XVII столетия стала прочной ногой на побережье Тихого океана» (1). Выход же русских в Тихий океан, в конце 30-х годов, связан с экспедицией Копылова — Москвитина, которую и нужно поставить в ряд с важнейшими русскими экспедициями в Сибирь, в XVII в., способствовавшими важнейшим географическим открытиям, росту и укреплению Русского государства. История этой экспедиции не освещалась в нашей литературе. Скудный материал, связанный с экспедицией, до самого последнего времени оставался нетронутым в архивах. «Копийные книги» Г. Ф. Миллера, хранящиеся в Архиве Академии Наук СССР (сокращенно ААН), дают возможность осветить основные вехи экспедиции Копылова — Москвитина.

31 января 1636 г. из Томска было послано 50 человек служилых людей под командой атамана Дм. Копылова с задачей обследовать «Ленскую землицу» и объясачить еще неохваченное обложением местное туземное население. Путь экспедиции шел от Томска на Енисейск и оттуда по Верхней Тунгуске, Куте, Лене и вниз по Лене до Якутского острога. В 1637 г. Копылов из Якутска пошел на Алдан и, не доезжая до Маи, в ста верстах выше ее устья заложил Бутальское зимовье, откуда в 1638 г. и отправил экспедицию в составе 30 человек под командой Ив. Москвитина «на большое море — окиян, по тунгускому языку на Ламу». Путь этого отряда один из участников позже описывал таким образом: «а шли они Алданом вниз до Лены реки 8 суток, а Маею рекою вверх шли по волоку 7 недель, а с той реки Маи малою речкою до прямого волоку в стругах шли 6 ден, а волоком шли день ходу, и вышли на реку на Улю на вершину, а тою Улею рекою шли до моря». Выйдя на устье Ульи («где она впала в море»), участники экспедиции очутились среди тунгусского населения («живут тунгусы многие роды»), которых и начали подчинять, поставив на берегу моря укрепленное зи-

мовье («зимовье с острогом») — оно является первым поселением русских на Тихом океане. Экспедиция пробыла на Охотском побережье 2 года («служили 2 года») и дошла к северу до р. Тауя и к югу до р. Уды, где от местных тунгусов получила сведения о рр. Амгуни и Амуре и населении по этим рекам — первые сведения об Амурском крае, полученные русскими (2).

Экспедиция Копылова — Москвитина, первая из русских экспедиций достигшая Тихого океана, оставила после себя замечательный документ (еще неопубликованный) — «Роспись рекам и имяна людям, на которой реке которые люди живут...», являющийся первым географическим и этнографическим описанием Охотского побережья. Приводим его полностью: «Роспись рекам и имяна людям, на которой реке которые люди живут, тунгусские роды, по роспросу Томсково города служилых людей Ивашки Москвитина да Семейки Петрова, толмача тунгускова, с товарищи, куда ходят на Ламу из Якуцкого острогу: по Лене вниз плыть в судах сутки до усть Алдану реки, а по Алдану верховым путем итти в судах до усть Маи реки 5 недель, а по Мае до волоку итти в судах до подволошной реки 6 недель до Нюдми, а по Нюдме в стругах итти вверх 6 дней ходу, до хрепта итти, волоку половина дни на ламские воды на вершины ульинские, а с вершины до розсох итти пешим путем день ходу, из тово места сойдутся две розсохи вместе, и из тех двух розсох пойдет река Улья, и от тех розсошек в судах плыть можно и до Ламы, и по той реке вниз в судах плыть 5 дней. Река [Мая], а в нее реки пали сторонные, а по тем рекам живут тунгусы: река Чабча пала в Маю; река Юнома пала в Маю с левою руку, через ее кочюют оленные люди тунгусы, ламские мужики озенканы; река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней кочюют оленные люди, тунгусы долганы и лалкагиры; река Маймакан пала в Маю с правую сторону, а по ней живут оленные люди тунгусы, и кочюют с Ламы, маймаканут; река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди, макачинуи, и долгируи, и гулюгирцы, и чолногирцы и кутутирцы; в тое же реку пала речка с левую сторону Кутога, а по ней живут оленные люди, лалкагиры и озянт, мужики ламские; река подволошная Нюдма пала в Маю с правую сторону, ходу по ней 6 дней; и с тое реки переход на ламские воды на речки, на вершины: река за волоком пала устьем в Ламу, на вершине тое реки живут оленные люди, тунгусы озянт, а на усть тое реки сидячие люди, озянканы, а ездят они на собаках. И по той реке, выплыв на Ламу, и по Ламе из под северной стороны пали реки в Ламу: река Урана пала устьем в Ламу, а по ней живут оленные люди, те ж тунгусы, род Бояшинской; река Охота пала в Ламу, а по ней живут тунгусы многие, на усть тое реки орда сидячая, толиганы, а вверх по той реке Охоте живут люди оленные: род Киланской, род Горбиканской, род Толюнской, род Унгатабирской, род Тумучерской, и иные на ту реку приходят многие для корму рыбново, что та река рыбою рыбна, и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150, и на той реке люди воисты, боем своим жестоки; река Кукты пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, озяны и готнинканы, и в тех родах и в улусах человек по 100 и по 200; река Улкондон, устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы улбиданцы; река Инта впала в Ламу, а по ней живут тунгусы инганцы; река Тоуй пала в Ламу, а по ней живут тунгусы говуданы, и уяганы, и выяканы и огочолы. В полуденную сторону которые реки в Ламу устьем пали: река Тукчи устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы чавуралы; а против тое реки устья стоит на море в голомени остров каменной, и на том острову птицы водитца многое

множество, с тово острова тою птицею кормятца тунгусы, многие люди, как учнут яйца водить; река Алыма устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгильцы; река Уда пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, оленные люди, Биларытьевого роду, сказывают до 300, и те люди торгуют с сидячими людьми, а те людй хлеб сеют; да те же тунгусы сказывают про реку Омуть: и та де река великая, а по ней живут тунгусы тамагири, оленные люди, а сходятца те люди с иными людьми, с натканы, а язык у тех людей свой, а не тунгуской, продают тем людям соболи, а у тех людей емлют серебро и чаны большие медные, и в тех чанах есть варят, и одекуй идет от тех же людей и кумачи, и те натканы живут у Ламы, промежду рек в стрелке; а те товары идут со иной реки: серебро, и медь, и одекуй, и кумачи. Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино сидят по русски кубами медными и трубами; да в тех же людях водятся петухи и свиньи, и кросна ткут по русскому, и от тех людей возят к натканам муку по Амуре, в стругах плавят.

И Ивашка Юрьев и Семейка толмач и служивые люди, не доходя Чии реки, назад воротились для того, что оголодали и вожей не стало, тунгусы отбили. И про те нам реки у тунгусов Семейка толмач роспрашивал, а сами на тех реках не были, и про то подлинно сами не ведаем, на Ламе служили два года, а запасы у служивых людей были невеликие, на человека по 2 пуда; до Ламы идучи кормились деревом, травою и кореньем, на Ламе же по рекам можно рыбы много добыть и можно сытым быть» (3).

Значительная часть этого документа посвящена описанию рек системы Маи (Чабча, Юнома, Аим, Маймакан, Уй, Кутога, Нюдма), большая же часть описывает реки, впадающие в Охотское море, характеризуя и население по этим рекам. Река Кукты — несомненно Кухтуй, Инга — Иня, Алыма — Алдома; Улпондон, судя по тому, что он описан между рр. Кукты и Ингой — Улбея. Остров против реки Тукчи, очевидно, остров Нансикан. Не совсем ясно, что это за река Омуть. Г. Ф. Миллер впервые дал пересказ части этого документа и высказался в том смысле, что в реке Омуть мы имеем реку Амгунь. Л. Шренк принял мнение Миллера (4). Некоторые данные говорят как будто за это предположение. Омуть помещена к югу от Уды «и та де река великая». Из крупных рек после Уды идут Тугур и Амгунь, но Тугур во всех документах XVII в. называется Тугур, либо Тугир. Остается Амгунь. За Амгунь говорит и тот факт, что «роспись» отмечает живущих по реке Омуть тамагиров, которые действительно жили на реке Амгунь. Против же отождествления Амгуни с р. Омуть говорит прежде всего тот факт, что обычно в документах XVII в. Амгунь фигурирует под названием Хамуна, Хамун (5), а также и то, что в некоторых документах XVII в. в одном контексте стоят и Хамуна и Омуть (Амуть), как две особые реки. Дадим примеры. «И тех де изменников на Хамуне реке и на речке Амуте небольших людей, 15 человек, смекали» (6), «и пришли на Хамун, на речку Амут марта в 17 день и жили три дни, поставя острожек» (7). Судя по этим текстам, Омуть (Амуть) — небольшая речка, приток Хамуны (Амгуни). В данные «росписи», видимо, слитно вошли рассказы тунгусов и об Амгуни и о речке Омуть. От последней сохранилось имя; от первой сведения, что та «река великая». Как-либо иначе трудно понять данный текст «росписи» в сопоставлении его с другими документами.

«Роспись» дает интересные данные по этнографии и экономике охотских тунгусов (наличие «оленных» и «сидячих», иначе «пеших», данные о рыболовстве и охоте на птицу, данные о торговле с народами Амура; сведения о военном деле у тунгусов и т. д.). «Роспись» дает и названия

родов охотских тунгусов. Большинство этих родовых названий весьма часто встречается в последующих документах. Исключение составляют родовые названия: выяканы, оточолы и чавуралы. Они совершенно исчезают из последующих документов. Видимо, эти названия настолько искаженно передают тунгусские имена, что в них не узнать родовых названий документов последующего времени, когда русские больше познакомились с тунгусами и стали точнее передавать их имена.

Отряд Москвитина, достигнув Охотского побережья и получив сведения от охотских тунгусов об Амуре, предпринял попытку пробиться к Амуру, первую попытку в истории продвижения русских в XVII в. в Амурский бассейн. Попытка эта, однако, окончилась неудачей. Наступивший голод и потеря проводников-тунгусов не дали возможности выйти далеко на юг. «И Ивашка Юрьев и Семейка толмач и служивые люди, не доходя Чии реки, назад воротились для того, что оголодали и вожей не стало, тунгусы отбили».

Вполне понятно желание немногочисленного русского отряда разведать сразу же, по получении первых известий, Амурский край. Охотские тунгусы сообщили толмачу отряда о богатствах нового, неизведанного края (соболи, серебро, хлеб и т. д.).

Собранные сведения содержат и первые данные о народностях Амурского края — тунгусах, гольдах и дауро-дючерах. В омутских тунгусах — самагирах — трудно видеть, как то предполагал Л. Шренк, негидальцев (8). В составе негидальцев нет рода самагир. Как было выяснено в наше время, в гатино-амгунских самагирах нужно видеть тунгусский род, подвергшийся в последнее время значительному влиянию гольдов (9). Натканы, как то показали еще материалы Миддендорфа (10) и как то доказано тем же Л. Шренком, несомненно, гольды (11).

Экспедиция Москвитина, пробившись к Тихому океану, закрепила продвижение русских на восток постройкой укрепленного зимовья на Охотском побережье. Пробиться в Амурский бассейн ей не удалось. Пять лет спустя, в 1643 г., эту задачу разрешила экспедиция Пояркова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин. Обзор международных отношений на Дальнем Востоке с конца XVIII в. и до 1918 г. Историк-марксист, 1939, № 4, стр. 95.
2. ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 217 № 17, лл. 380 об.—382; № 30, лл. 60 об.—61, 79—80 об., 309 об.—311 об.
3. ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, лл. 79—80 об.
4. Новые ежемесячные сочинения, 1796, ч. CXXI, стр. 7; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб, 1883, стр. 116.
5. См. у того же Шренка, указ. соч., т. I, стр. 116, прим. 2.
6. ААН. ф. 21, оп. 4, № 28, л. 140.
7. Ленингр. отд. инст. истории (ЛОИИ), Якутский фонд, карт. 219, стб. I.
8. Л. Шренк. Указ. соч., т. I, стр. 116.
9. Тунгусский сборник, 1, Л. 1931. Гарино-Амгунская экспедиция. 1926, Л. 1929.
10. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, стр. 751.
11. Л. Шренк. Указ. соч., т. I, стр. 116—118.

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Том LXXV, вып. 2 1943

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

ПОИСКИ КАМЕННОГО УГЛЯ ПРИ ПЕТРЕ I

С давних пор Московское государство славилось как страна лесов. Необозримыми пространствами, без конца и края, тянулись они по всей Сибири и европейскому северу, густы были в центре, большими массивами опускались к югу. Казалось, этого богатства хватит на все и на все времена. Между тем вопрос об экономии их расходования — о «бережении» лесов, из опасения их перевода, возник очень рано, как только народное хозяйство сделало значительный шаг вперед при Петре I. У правительства забота о лесах возникла в связи с двумя важнейшими мероприятиями того времени — созданием флота и постройкой крупных металлургических заводов. Начиная с указа 19 ноября 1703 г., запрещавшего, под страхом смертной казни, рубить всякий лес 12 вершков в отрезе и больше (1), подобные указы посыпались один за другим (2). Однако в них «бережение» леса мотивировалось исключительно кораблестроением, нуждам которого до известной степени подчинялся даже вопрос о снабжении топливом заводов, бывших также детищем правительства. Дуб и крупные сосны запрещалось повсеместно рубить не только на дрова, но «також на угольное жжение» (3). Между тем последний вопрос приобретал большое значение в связи с развитием металлургии и других видов промышленности при Петре. Одни железные заводы требовали огромного количества дров и угля[1]. Тысячи крестьян, приписанных к казенным заводам, в течение зимних месяцев рубили лес, складывали его в кучи, закрывали дерном, засыпали землей, после чего зажигали. Тихо, «нетoропко» горели дрова, чтобы получался «доброй и крупной» уголь, а затем «с великим береженьем» кучи ломали, клали погодный уголь в короба и везли на завод. Громоздкий и тяжелый процесс заготовки дров и угля выдвигал две проблемы: 1) о рабочей силе и ее оплате и 2) о достаточном наличии леса в сравнительной близости от заводов.

Приписка крестьян к казенным и отчасти к частным предприятиям казалась правительству разрешением первой проблемы.

Недостаток топлива стал сказываться очень скоро, особенно к югу

---

[1] При описи в 1729 г. Уктусского завода на куренях оказалось 563 саж. готовых дров; 101 куча сложенных, но еще не жженных, в каждой куче по 50 саж.; 27 куч в процессе жжения и 49 куч угля. Из каждой кучи выходило от 50 до 90 коробов, по 6 четвертей угля в коробе. Кроме того, на заводе находилось 4 900 коробов, т. е. 294 000 четвертей готового, привезенного из леса угля. ЦАДА (Центр. архив древних актов), ф. Берг-коллегии, кн. № 618, л. 12.

от Москвы. «Около Тулы дубов и сосен на уголье и на какие дела рубить не велено,— жаловался Демидов в 1702 г.,— за угольем... на тех заводах вашему великого государя делу в железных плавках и во всяких припасех чинитца остановка» (4). Ссылаясь именно на это обстоятельство, заводчик просил отпустить его с тульских заводов в Сибирь.

Но и там, на Урале, где заводы только что возникали и где лесные богатства казались неисчерпаемыми, уже в начале XVIII в. леса начинали редеть, и «для скудости дровяного сечения у заводов» Демидов просил разрешить «сечь дрова березовые Верхотурского уезда всякими людьми, сколько на тот завод понадобитца» (5). В дальнейшем, с ростом уральской металлургии, вопрос о топливе приобретал все большую остроту даже для казенных заводов; недаром в инструкции начальника сибирских и уральских заводов Геннина имелась особая глава — «О сохранении лесов», а для их охраны и борьбы с порубками высшим горным начальством назначались «лесов объезжие». Несмотря на эти мероприятия, леса быстро истреблялись и по закону и вопреки ему, и Геннин серьезно опасался, как бы «за скудостью дров вдруг заводы не остановились» (6). Тем больше оснований для опасений и жалоб было у частных заводчиков, особенно подмосковной полосы. Понятно, как должен был заинтересоваться вообще, а в связи с изложенными обстоятельствами особенно, Петр, когда представилась возможность использовать новый вид топлива — каменный уголь.

Существует предание, будто бы уже во время Азовских походов Петр «первый отметил уголь, если не в Новороссии, то в Воронежской губернии, на Дону и в так называемых казачьих городках» (7). Проверить эти сведения не представляется возможным. Однако до последних лет царствования Петра I никаких попыток изыскания каменного угля в России не производилось. Они начались с 1722 г.

До сих пор в распоряжении историков были только два коротеньких указа, напечатанных в «Полном собрании законов»: один от 27 декабря 1722 г. и другой от 11 сентября 1723 г.— оба о посылке нарочных «для копания гашенного уголья и руд», по первому — на Дон, в казачьи городки, по второму на Днепр и р. Осеред. И там и тут уголь обнаружил подьячий Капустин (8). Когда и как состоялись эти экспедиции, каковы были их результаты, как быстро и настойчиво реагировало на сделанные открытия петровское правительство, желая произвести дальнейшие изыскания при помощи иностранных специалистов,— обо всем этом мы узнаем из материалов, имеющихся в фонде Берг-коллегии [1].

Известно, что еще до Петра и особенно при нем шли повсеместные поиски руд, металлов и минералов. Помимо «доброхотцев», действовавших по собственной инициативе, но поощряемых правительством, в штате Берг-коллегии состояли специальные «рудные доносители» — Лаврентий Зуев, Василий Лодыгин, Тихон Протопопов, Михаил Харитонов, получавшие по 12 рублей в год (9). Под командой Василия Лодыгина было несколько человек, среди них подьячий Григорий Капустин. Раньше, по выбору крестьян дворцового села Даниловского, в течение семнадцати лет Григорий Капустин сидел в приказной избе, а когда в 1715 г. «для нужд своих» он приехал в Петербург, его отдали В. Лодыгину для геологических изысканий. С тех пор восемь лет «безотлучно» он ездил по разным местам «все на своем коште», полу-

[1] Дальнейшее изложение основывается прежде всего на хранящейся в ЦАДА книге Берг-коллегии № 629, целиком посвященной этим экспедициям, а также на материалах, встречающихся в книгах № 91, 118, 608, 636.

чая «самое малое число денежного себе награждения». Вот этот-то подъячий и был деятельным членом первых экспедиций по угольным местам.

По его доношению состоялся уже упоминавшийся указ Петра от 27 декабря 1722 г., а на следующий день приговор Берг-коллегии о посылке Капустина на Дон «близ Кондрючья городка в Аленьих горах да в Воронежскую губернию близ города Серец под село Белогородье» (10). При этом велено работных людей нанимать на месте и, накопав угля пудов по пять, немедленно привезти в Москву. Эта первая экспедиция финансировалась очень скромно: начальнику экспедиции назначалось 5 рублей да 10 рублей на наем работников и подвод (11).

Экспедиция состоялась весной 1723 г. 5 дней 15 человек копали уголь, и Капустин привез в Берг-коллегию 3 пуда для пробы. В Петербурге пробирный мастер Фреер дал отрицательное заключение: «От оного угля действа никакого не показалось, только оный уголь в огне трещит и только покраснеет, а жара от него никакого нет и, как вынешь из огня, будет черной» (12).

Капустин не удовлетворился отзывом специалиста-иностранца и в сентябре 1723 г. доносил, что «каменного уголья взяв, и в казачьем городке Быстрянске, и в Туле, и в Москве пробы чинили: делали кузнецы тем однем угольем топоры и подковы новые, и они, кузнецы, то уголье похваляли и сказывали, что от него великой жар. А в Санкт-Питербурге, по пробе иноземцы что сказывали, что будто жару от них нет, знатно, не сущую пробу чинили» (13).

Одновременно уголь был обнаружен и в других местах. В том же 1722 г. в Берг-коллегии получено «в боченке земляного уголья, которые... накопаны близ бахмутских соленых заводов» (14), и там же имелось дело капитана Волженского о находке каменного угля в Переяславском и Рязанском уездах.

Ответом на эти открытия был новый указ Петра от 11 сентября 1723 г. о посылке десяти человек на Днепр и двух человек на Осеред (15). В Берг-коллегии оказался только один подходящий специалист-саксонец Самуил Рондолер,— он и должен был обследовать обе реки: осенью 1723 г.— Осеред, весной 1724 г.— Днепр. В октябре же Рондолер получил инструкцию, в которой явно подчеркивался интерес к изысканию каменного угля: «Наипаче в том прилежно уведомить, не являетца ли во оных речках какова признаку каменного уголья». В положительном случае дать «совершенное известие» о данном пункте. «А особливо при том ему смотреть, уголья флецами или жилами ломаетца, такожде как глубоко и широко и толсто оное лежит». Обратить внимание также на близость водных путей и удобно ли место «для построения водяных машин» (16).

Однако сборы затянулись, и в октябре, в виду приближения зимы, экспедиция была отложена до весны.

Но до весны произошли новые обстоятельства, изменившие намечавшиеся планы.

Сведения о находках каменного угля заставили Петра подумать о привлечении специалистов, каких в России в то время не было. Тогда же, в 1723 г., он обратился за содействием к вице-адмиралу Томасу Гордону, и тот написал своим друзьям Джону Арескину в Шотландию и Роберту Гордону в Англию. Первый, человек чрезвычайно осторожный, отказался рекомендовать кого бы то ни было, так как «оные, кои искуссные, обыкновенно суть такого характера, что честному человеку страшно поверить им». За небольшое жалованье соглашались ехать в Россию «такие нечестивые отребы народа, что кто бы ни спознался с

ними в чем, едва может лишиться в краткое время не быть оффрантован чрез поведение их».

Иначе действовал Гордон. Он быстро нашел не двух, а пять человек, уверяя, что двоим «невозможно управить во употреблении оных шурупов, когда ввертывать надлежит глубоко». Главным из пяти англичан был мастер Джордж Никсон, которого Гордон чрезвычайно рекомендовал и который, по словам самого Никсона, «з две тысячи рудокопов под командою имел в Англии з 25 лет». При таком опыте и стаже мастер потребовал соответствующее жалованье: 6 фунтов стерлингов в неделю (24 руб.); подмастерья — Томас Краувин, Томас Клерк, Вилим Персон, Джон Маршал — соглашались получить по 1 ф. стерл. в неделю. Служба считалась с того момента, как иноземцы «примут путь на корабль».

Из Англии мастера выехали в июне 1723 г. В Голландии, получив аванс в 307 гульденов (102 руб. 30 коп.), они пересели на голландский корабль, а в Эльсиноре снова сели на английский, на котором и прибыли осенью в Петербург. В ноябре они явились в Берг-коллегию — так началась их служба в России. Берг-коллегия, судя по «великому» жалованью Никсона, располагала теперь опытным угольным мастером. В связи с этим изменились экспедиционные планы. Приговором Берг-коллегии (от 24 декабря) англичане направлялись в Москву, где до весны им надлежало обследовать серебряную руду под Андреевским монастырем, а весной ехать в дальнюю экспедицию — в Воронежскую губернию, в село Белогородье, в Оленьи горы и на Осеред, а оттуда в Рязанский уезд и другие места. Задача заключалась в глубоком бурении открытых угольных мест и в определении, «годно ль то уголье будет к кузнечным и прочим делам против агленского».

Рондолер посылался на Днепр, его экспедиция носила разведывательный характер.

Проследим сначала историю первой, более крупной экспедиции.

Получив назначение, Никсон тотчас приступил к сборам. В декабре же он подал роспись, «что ему принадлежит» к поездке. Из персонала он потребовал, кроме приехавших с ним подмастерьев, двух мастеров — кузнечного и «который мельницу строит», лекаря и переводчика; из оборудования — два больших молота, два компаса и две линейки. Кроме того, по его заказу инструментальный мастер Бромлей сделал ватерпас с компасом, два циркуля, один «треножий» и два «линеяла складные». Берг-коллегия разрешила дать только переводчика и через главного переводчика Коллегии Бланкен-Гагена осведомилась, будет ли Никсон удовлетворен Яковом Грамотиным, обучавшимся в Англии 6 лет.

Между тем пока шли сборы, в Берг-коллегию поступило важное известие: из Бахмутской провинции ландрат Никита Векрейский сообщал, что близ Бахмута 194 наемных работника копали «вновь приисканные земляные уголья», но работа остановилась, так как уголь пошел в гору[1]. «А сколько его в глубину есть, о том не ведомо для того, что сверх того уголья великая гора». По пробе мастера Вейса образцы, взятые в урочище Скелеватом, в 25 верстах от Бахмута, ничего не содержали, уголь же с речки Беленькой оказался хорошим. Его также чрезвычайно одобрил Никсон: «И мы называли в Англии самое лучшее уголье на угольных заводах. И ежели таких угольев

[1] Надо думать, что дело, предпринятое в таком большом масштабе, велось с ведома Коллегии, но, повидимому, она не направляла туда никого из своего штата для руководства изысканием.

много в сей земле, то довольное удовольствие подаст и на всякие потребы угодное, и мне зело уголье понравилось».

Так дана была первая сравнительная характеристика донецкого угля, предвосхитившая будущую славу Донбасса.

Бахмут вошел в маршрут экспедиции Никсона.

Однако выезд партии все откладывался то из-за отсутствия денег, то из-за ареста Капустина, которого даже предполагалось «вести за караулом». Наконец, 2 марта 1724 г. партия двинулась из Петербурга в составе 5 англичан, Капустина, унтер-офицера Маслова, двух солдат, толмача и трех лабораторных учеников, которые должны были обучаться с прилежанием, «как буравами вертеть и руд сыскивать». Каждому полагалось по подводе, Никсону — две, в распоряжении Маслова было 150 рублей на всякие расходы.

Между тем уже в Петербурге, а еще больше в Москве, начались ссоры между специалистами-англичанами. Подмастерья жаловались, что Никсон задерживает жалованье и постоянно заставляет работать на себя: «горницу месть, платье и башмаки чистить и печи топить», а за отказ обещает бить батогами. И не только обещает — одному уже голову проломил. В свое оправданье мастер говорил, что бьет своих помощников за пьянство и драки; так, один из них, по его словам,— «шляпу мою передрал и разорвал мой парик и ушиб меня в голову». Как видим, осторожность Арескина была не напрасна, а его характеристика «нечестивых отребий» верна. Иноземцы, высказывая очень невысокое мнение друг о друге, подрывали доверие к себе, к своим знаниям у русских людей. «Я изрядно знаю, каковы они суть работники. Я их с своего угольного завода привез из Англии»,— цинично признавался Никсон. «Все его документы фальшивые, которые он показал в Коллегии»,— вторили его подмастерья. Такая взаимная характеристика и поведение главных участников экспедиции ставили под вопрос успех всего мероприятия.

Выезд из Москвы Берг-коллегия назначила на 21 мая. При выезде купили лодку, наняли гребцов и водою двинулись в Переяславль-Рязанский, а оттуда в Ряжск. Первым местом изысканий было село Петрово Ряжского уезда, куда приехали 24 июня. О ходе работ здесь сообщали разные члены партии, обвиняя друг друга, а все вместе Никсона. Работает он крайне медленно, нанимая 3—4 человека, «знатно чинит промедление», постоянно ездит в город,— «давай ему лошадей»,— со всеми ссорится, «а мы все от него в слезах пребываем»,— доносил Капустин асессору Берг-коллегии Петру Хоныкову. А главное, мастер технически работает неправильно: «Все идет копкою, а струментом только на уголье аршина с 3 шол да и покинул». Сам же Никсон писал об успешном ходе работ, несмотря на то, что никто не хочет работать и все пьянствуют, он работает «дневно и нощно». «Жизнь свою столь много не работал в Англии и от работы такой почти свои руки все обрезал». Но зато найденный уголь оказался «многим лутче, чем я чаял»,— доносил начальник экспедиции в августе — сентябре 1724 г.

Однако пробы присланных Никсоном образцов не подтвердили его оптимистических сообщений. Все они ничего не содержали, кроме одного: «Крупные ядра есть каменное уголье, з другими металлами смешанные... и оная ничего не горит, только один угольный дух». Позднее в письме к Гордону из Белогородья и сам Никсон низко оценивал ряжский уголь: «А тамошняя уголья убогая и только вид угольной и ни малое сходство с англинским угольем имеет. Однакож чаю, что их

при варении соли можно употреблять, а я их лучше не могу сделать, как оные суть»[1].

На этом кончились работы в селе Петрове, и партия двинулась дальше. Из Ряжска ехали на лошадях и в Воронеже были в середине сентября, здесь задержались и только 29-го тронулись в направлении на Осеред.

Между тем в Петербурге интересовались экспедицией. 8 октября Петр прочел представленную ему выписку Берг-коллегии, сразу усмотрел непорядки и решил их немедленно устранить. Его указ был краток и касался двух пунктов: 1) так как между мастером и подмастерьями царит несогласие, послать из Коллегии «знатного, который бы мог их согласить», и с ним их жалованье по контрактам, 2) немедленно прислать оттуда пробу с указанием «квинтитенции» угля и расстояния его месторождения от Оки.

К концу царствования Петр научил, во всяком случае ближайший к нему аппарат, действовать послушно и быстро. В тот же день распоряжение царя переслали из Кабинета в Берг-коллегию, а на следующий день, назначив в посылку сержанта Мижуева, торопили Коллегию с приговором, «дабы хотя сей день возможно оного отправить».

По приговору Коллегии «для наилутчаго взыскания каменного уголья и руд» с Мижуевым посылался Телепнев, и с ним жалованье англичанам; подмастерьям объявлялся через него абшид, а мастеру работать прилежно, «как доброму и честному человеку принадлежит... дабы напрасно время не проистекало и праздно нигде не жили». Капустину и ученикам приказывалось учиться «без всякого прекословия». Места, где обнаружатся признаки угля, копать тщательно и описать, «в каком они расстоянии от которых городов и какие близко тех мест есть большие и малые реки, и которая река в которую впала, и какими судами по оным рекам ходить мочно».

«Приговор изрядно учинен», одобрил Петр, живо заинтересовавшийся этим делом, хотя это был конец октября 1724 г. и царь уже недомогал.

Телепнев догнал партию 4 декабря в селе Белогородье, куда она прибыла не позднее начала ноября. Начались морозы, работать становилось трудно. К тому же самая местность вызывала сомнения у Никсона. «Однакож, чтоб тамо руда была, верить не могу». Телепнев привез указ — из Белогородья ехать в Бахмут, а оттуда обратно в село Петрово, так как Петр не был удовлетворен неясными результатами первых работ, на основании которых «подлинно и познать не мочно». Мастер был очень недоволен удлинением маршрута, но тем не менее после 7 декабря партия выехала в Бахмут.

Здесь, по словам Никсона, изыскания были очень благоприятны. На уголь напали в разных местах. «И как я чаю, то оные уголья лежат под

[1] Изыскания в селе Петрове дали следующую картину в разрезе:

	Гар.	Фут.
1) Синяя земля и шанк	$1\frac{1}{2}$	—
2) Красная глина	$1\frac{1}{2}$	—
3) Крепкая черная глина и вода	1	
4) Бурованной крепкой известкой		1
5) Камень, примешан. с глиной		
6) Камень с кварц. примешан	1	2
7) Бурованная черная руда	1	
8) Бурованной, уголья		2

таким фундаментом и долго протянутца. Я надеюсь, что здесь добрай угольной завод завести и повсягодно много уголья добывано быть может». Что мастер не ошибся — доказано позднее высоким качеством ныне артемовского угля.

Наступившие холода и снег заставляли Никсона торопиться с окончанием экспедиции. Работали и спали у костров. Но Телепнев настаивал на заезде в Рязанский уезд.

Тем временем не стало главного виновника многих нововведений в области промышленности — Петра, а вместе с ним исчез интерес и к поискам каменного угля. Экспедиция Никсона, стоившая дорого, казалась излишней. Платить ему большое жалованье, дожидаясь летнего времени, значило понести «убыток немалой». Принцип экономии восторжествовал, и 11 марта 1725 года Берг-коллегия постановила, что «со временем» данные места можно освидетельствовать «и без оного мастера» силами горных людей с меньшим жалованьем.

Телепневу велено было заметить угольные места и ехать в Москву «в самой скорости», и здесь приготовить все для расчета с иноземцем, чтобы «напрасно долго не жить». И хотя срок службы Никсона в России не кончился, по указу Екатерины I он высылался на родину. Нарушение контракта мотивировалось тем, что мастер больше ссорился с подмастерьями, чем «плоды показал»; а между тем за $1^1/_2$ года службы на него вышла «сумма не малая с полчетверти тысячи рублев... а такого прибытку никогда б уповаемо не было» и кроме того Никсон вообще «в рудном и угольном промысле и в пробах плохо знает». Насколько обвинение Никсона в незнании дела было справедливо — трудно сказать, но на основании этого обвинения Никсон попадал под указ от 6 ноября 1723 г., по которому надлежало высылать из России иноземцев, обнаруживших свою неподготовленность.

Напрасно протестовал Никсон, напрасно пробовал защищать его Гордон, ссылаясь на волю Петра и его многократные указы о вызове мастера на данных условиях, напрасно советник Берг-коллегии Райзер предлагал, в память Петра, уплатить ему, что полагается,— Никсон был выслан, и со смертью Петра заинтересовавшее его дело заглохло.

Так же быстро прекратились поиски каменного угля, начатые при Петре и в других местах.

Поездка Рондолера на Днепр ничего не дала, хотя он «со усердием» проделал весь маршрут, начав с Дорогобужа (17). В Смоленске он копал вокруг города и «знаков искал», был в Рославле, Почепе и Киеве. Здесь счастье, было, улыбнулось. Ездил он кругом города 6 верст и в горе, «которая называется Крещатка», нашел признак каменного угля. На другой же день, «промыслив инструменты» и наняв работных людей, «зачали действовать» и «иттить подкопом», но после 11 дней работы он пришел к заключению, что в горе «ничего иного имеет быть, как песок». Из Киева ездил он вниз по Днепру на речку Серец, Каменку и Лыбеть, а также за 30 верст до речки Стугны и вверх до речки Ирпень, но нигде «удобных никаких руд и каменного уголья не изобрели». В общем экспедиция продолжалась с 24 июня до поздней осени 1724 г., и только 12 декабря партия в составе трех человек — Рондолера, унтер-офицера Никулина и переводчика — вернулась в Москву.

Рондолер вынес из поездки твердое убеждение: «хоть-де и самого лутчего и искусного рудокопного мастера сюда после меня для свидетельства пришлют, но равным образом здесь ничего признать невозможно». Он был прав: до сих пор угольных месторождений по Днепру не обнаружено. Берг-коллегия нашла возможным выплатить Рондолеру

за январскую треть 1725 г. по 6 руб. 50 коп. в месяц не столько за добросовестное выполнение задания, сколько потому, что «от вышепомянутого проезду... пришел в убожество и претерпевает великую нужду, ибо он человек иностранной».

Таковы первые попытки изыскания и определения нового ценнейшего вида топлива, сделанные при Петре. Подсказанные практическими соображениями, они не имели практического значения. Полвека отделяет их от следующих мероприятий в этом направлении, относящихся уже к концу XVIII столетия. Но для нас они представляют громадный интерес, как ранняя страница из истории наших важнейших угольных бассейнов — Донецкого и Подмосковного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное Собрание законов (ПСЗ), т. IV, № 1950.
2. ПСЗ, т. IV, № 2017, 2607; т. V, № 2757, 3320, 2890, 3057 и др.
3. ПСЗ, т. VII, № 4188; т. VI, № 3902.
4. ЦАДА, ф. Берг-коллегии, кн. № 634, л. 571.
5. Там же, л. 571.
6. Геннин, В. Описание сибирских заводов, стр. 354
7. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, стр. 508.
8. ПСЗ, т. VI, № 4129; т. VII, № 4297.
9. Кн. Берг-коллегии № 633, л. 105—106.
10. ПСЗ, т. VII, № 4297.
11. Кн. Берг-коллегии, № 91, дело № 28.
12. Там же, № 629, л. 39.
13. Там же, л. 41.
14. Кн. Берг-коллегии, № 629, л. 51.
15. ПСЗ, т. VII, № 4297.
16. Кн. Берг-коллегии, № 629, л. 14—15. Далее ссылок на книгу № 629 не делаю.
17. Там же, № 636, дело № 21, лл. 228—236.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

Первая русская экспедиция XVIII в. в Северном Ледовитом океане

В статье «Экспедиции XVIII в. в Сибирь (до Беринга)»[1] на основании известий иностранных источников и сохранившихся карт, я, как мне кажется, достаточно убедительно показал, что до Второй камчатской экспедиции в XVIII в. со стороны русских делались попытки найти северо-восточный проход из Атлантического в Тихий океан. Одна из таких экспедиций, относящаяся к 1720—1721 гг., уже отмечалась в вышеупомянутой статье. Сообщаю о ней некоторые подробности.

По распоряжению Петра I (в 1720—1721 гг.) из устьев Оби на восток было отправлено судно, которому удалось, повидимому, пройти не далее Тазовской губы. В этой экспедиции приняли участие геодезист И. Чихачев, составивший в 1719—1725 гг. первые карты Западной Сибири, и «обер-комиссар» Петер Миллер, весьма большой знаток не только в области географии России, но и специалист по русской и восточной нумизматике, автор едва ли не самого раннего труда, посвященного русским монетам. Научный авторитет П. Миллера в этой области признавала и Петербургская Академия Наук, а В. Н. Татищев считал его мнение по русской нумизматике для себя обязательным. Петер Миллер, как и некоторые другие «иноземцы» того времени, занимавшиеся географией России[2], до сих пор не привлекал к себе внимания историков и географов, хотя по вопросам географии с ним считались и Сенат, и известный ученый И. Н. Делиль.

Обычно принято думать, что интерес Петра к вопросам, связанным с поисками северо-восточного прохода, в значительной мере был вызван перепиской с Лейбницем и беседами в Парижской Академии наук в 1717 г. Не отрицая значения этих фактов, не следует все же забывать, что в руках царя был и русский документ, где говорилось, между прочим, о том же северо-восточном проходе и о необходимости его разведать. Этим документом были хорошо известные «Пропозиции» 1713 г. и «Изъявления прибыточные государства» 1714 г. Федора Степановича Салтыкова,[3] побывавшего дважды (в 1698 и 1711 гг.) за границей, преимущественно в Англии, где он и умер в 1715 г. Живя долго в Англии, Салтыков являлся одним из наших первых англоманов, прекрасно знавшим современную английскую жизнь. В вышеназванных своих трудах, отправленных Петру, Ф. С. Салтыков выступает со многими проектами реформ, основанными главным образом на английских образцах. В своих «Пропозициях» 1713 г. Салтыков, между прочим, советовал Петру построить корабли в устье Енисея и «теми кораблями кругом Сибирского берега проведать, не возможно ль пайтить каких островов, которыми б можно овладеть; а ежели таких

---

[1] Сборник Всесоюзного географического общества, посвященный памяти Ю. М. Шокальского. Рукопись.

[2] Укажу, например, на «капитана флота Ерем. Мейера», которому в 1704 г. было уплачено русским правительством 772 р. «за карту и опись Хвалыжского моря»; в 1724 г. Еремей Мейер стоял во главе комиссии, ведущей от имени русского правительства торговые сношения с Голландией и Швецией (Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб, 1892, прилож., стр. 101, 151).

[3] «Пропозиции» напечатаны Обществом любителей древней письменности в 1892 г; «Изъявления» — в приложении к труду Н. П. Павлова-Сильванского «Проекты реформы в записках современников Петра Великого», СПб, 1891; у него же находим подробную биографию Салтыкова и критику его проектов.

островов и не соищется, можно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие острова». Среди прочих «пропозиций» и эта привлекла внимание Петра, и адмиралу гр. Ф. М. Апраксину было поручено царем обдумать вопрос об экспедиции на восток из устьев Енисея.

Но еще до того или иного решения по этому делу Ф. С. Салтыков в 1714 г. выступил с проектом «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая». На этот раз Салтыков предлагал построить небольшие суда в устьях Двины, Оби, Лены и «около Святого носа» и на тех судах отправить «несколько морских людей из иноземцев и русских для описания морского побережья от Двины до Оби, от Оби до Енисея, от Енисея до Лены и до последнего речного устья, которое соищется удобное близ Амура реки и по устье Амурское и вдоль между Епоном и Китаем».

Таким образом, тот план описания побережья Северного Ледовитого океана, который был осуществлен в 1734 —1741 гг., появился еще в 1714 г. и автором его был русский человек — Ф. С. Салтыков. Он составил подробную программу описания каждой части побережья; все пункты этой программы вошли позднее в инструкцию С. Г. Малыгину, Д. Л. Овцыну, Х. П. Лаптеву, Д. Я. Лаптеву и другим описателям северного побережья в годы Второй камчатской экспедиции.

Ф. С. Салтыков привел немало доказательств выгодности открытия этого северо-восточного пути из Европы в Азию; вслед за ним их будут повторять все русские сторонники возможности открытия этого прохода: И. К. Кирилов, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев и др. «И ежели оный проход до китайских и до японских берегов соищется свободный,— писал Салтыков,— в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому изо всех государств, как из Англии, Галандии и из иных, посылают в Ост-Индию корабли, которые переходят линею дважды, как они ходят вперед и назад обращаются, в которых местах от жаров множество у них людей помирает и от скудности провиантов, ежели они продолжаются долго на пути. И по обретении оного станут желать ходить тем проходом». Предлагая построить крепости «на проливех Вайгате, Новой Земле... и на матерой земле, что лежит против Новой Земли» для сбора там проезжих пошлин с кораблей, направляющихся в Ост-Индию, автор проекта предвидит от этого сбора большую прибыль для государства. Вопреки мнению «многих», он лично не сомневался в существовании северо-восточного прохода: «что же многие содержат, что невозможно проходить за льдами сквозь некоторые места там, но из вашего государства можно по вышеописанным опробовать через весь год в самых холодных местах, можно, чаю, что в вешние и в летние месяцы то чинить плавание, о чем пробу никому иному так удобно чинить, как вашему величеству из вашего государства». Настаивая на поисках этого пути, Салтыков вместе с тем предлагал, чтобы местные сибирские власти послали «проведать и описать,— далеко ли за Святым Носом вашего величества берег и по которую реку, и от той последней реки — какие люди живут там и кому они подлежат... понеже на той ширине как в Японе и на острову Гетео (?) лутчее серебро находится». Салтыков прекрасно понимал, что выполнить его предложение очень трудно, но он все же считал, что «хотя в том искании какая и трудность соищется, без чего никакое дело не происходит,— англичане и галанцы ищут новых земель для своих прибытков и повсягодно того пробуют».

Таким образом, еще до предложения Лейбница и ранее Парижской Академии наук Салтыков поставил вопрос об изыскании морского пути из устьев Сев. Двины до Китая и Ост-Индии. Какие отметки сделал на проекте Салтыкова 1714 г. Петр, издатель проекта не указывает, но все последующие мероприятия Петра по вопросу о северо-восточном проходе стоят в тесной связи именно с проектом Салтыкова: экспедиции Евреинова — Лужина 1719—1722 г. и Обская 1720 г. являются частичным выполнением того плана, который был так подробно разработан Ф. С. Салтыковым; его осуществление в значительной мере принадлежит уже Второй камчатской экспедиции 1733—1743 гг.

А. Андреев

Могила адмирала Прайса

Советом Всесоюзного географического общества получено от Приморского отдела Общества следующее сообщение:

«В бытность свою в служебной командировке на Камчатке (ноябрь — декабрь 1941 г.) член Совета Приморского географического общества, военный историк, полковой комиссар тов. С. С. Балякин установил, по нашему заданию, состояние ряда исторических памятников в г. Петропавловске на Камчатке. Отдельные из них находятся в весьма неудовлетворительном состоянии, особенно памятник защитникам г. Петропавловска на Камчатке в 1854 г.

Обо всем этом С. С. Баляскин сделал соответствующее предложение местным советским и партийным органам и получил заверения, что все ненормальности по охране памятников будут устранены.

Помимо этого, благодаря счастливому стечению обстоятельств, С. С. Баляскин установил местоположение могилы командующего соединенной англо-французской эскадрой в 1854 г. адмирала Прайса.

Факт наличия этой могилы известен давно, но точное ее местоположение не было установлено ни приезжавшими в период до первой империалистической войны, специально для ее отыскания и возложения венков, английскими военными моряками, ни местными старожилами.

Незадолго до приезда С. С. Баляскина в г. Петропавловске на Камчатке рабочие, производящие земляные работы, наткнулись на цинковый гроб. На гробу якобы имеется надпись на английском языке (к сожалению, она не записана и не сфотографирована) о том, что в гробу покоится тело английского адмирала Прайса, умершего в 1854 г.

Сам С. С. Баляскин гроба не видел. По распоряжению начальника военно-морской базы капитана 2-го ранга тов. Пономарева и С. С. Баляскина, могила была вновь зарыта.

Совет Приморского географического общества решил просить командование Тихоокеанского флота дать распоряжение на Камчатку о проверке данных, сообщенных С. С. Баляскину, и о бережном отношении к могиле адмирала впредь до получения соответствующих указаний от Академии Наук СССР и Наркомвоенморфлота.

В случае подтверждения этого факта, о чем мы сообщим дополнительно, все эти сведения будут сообщены представителям Англии, дабы получить их предложения относительно дальнейших мероприятий в отношении праха адмирала Прайса.

Командованием ТОФ в г. Петропавловск на Камчатке сделан запрос о дополнительных материалах, подтверждающих вышеизложенные факты.»

РЕЦЕНЗИИ

СВЕН ВАКСЕЛЬ. Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга. Перевод с рукописи на немецком языке Ю. И. Бронштейна под ред. и с предисл. А. И. Андреева. Изд. Главсевморпути, Л. — М. 1940, 175 стр.

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде опубликовала перевод недавно приобретенной ею любопытной собственноручной рукописи участника Камчатской экспедиции Беринга «российского флота капитана» Свена Вакселя. Подлинная рукопись озаглавлена ее автором так: «Извлечение из моего журнала, а также из журналов других офицеров, которые мы вели во время Камчатской экспедиции, отправленной из Санкт-Петербурга в 1733 г. В нем кратко описаны задачи экспедиции, ее ход, открытия, перенесенные бедствия и окончание». Настоящему изданию рукописи Вакселя предпослано предисловие редактора — А. И. Андреева, дающего читателю необходимые сведения как о самом Свене Вакселе, так и о многих других соучастниках его по экспедиции и освещающего значение труда Вакселя в ряде других источников по историографии Сибири XVIII в. Переводчик рукописи Ю. И. Бронштейн снабдил текст примечаниями, часто дополняющими и разъясняющими текст Вакселя. В них приведены выдержки из некоторых подлинных документов, относящихся к экспедиции Беринга, а также параллельные места из описаний других участников экспедиции. Свен Ваксель разделил свою рукопись на 17 глав, последовательно описывающих экспедицию с момента ее отъезда из Петербурга, а именно: путь следования до Охотска через Тобольск и Якутск, переезд на Камчатку, зимовку там и т. д. Центральными являются главы 11 и 12, в которых описывается путешествие из Камчатки в Америку и сообщается об «открытии неизвестных стран и островов, происшедших несчастных случаях и о прочем виденном и пережитом нами, а также описание острова, на котором мы зимовали и которому впоследствии мною было присвоено название острова Беринга, о нашем образе жизни там, а также плавании оттуда на Камчатку и прочих примечательных происшествиях». Заканчивает Ваксель свою рукопись «описанием скорбутной болезни, или цынги, как мы ее наблюдали во время американской экспедиции». Из приведенных Вакселем данных видно, что из числа команды умерло от цынги 31 человек, в том числе, как известно, и сам капитан-командор Беринг, и вернулось на Камчатку всего 46 человек.

Впервые опубликованный на русском языке труд Вакселя несомненно представляет интерес не только для специалиста, историка и этнографа, но и для широкого читателя. Многие части этого труда читаются как увлекательный приключенческий роман. Читатель-специалист получит много новых данных о жизни и быте народов нашего крайнего северо-востока, о флоре и фауне Восточной Сибири и Камчатки. Книга снабжена прекрасно изданными географическими картами, современными экспедиции Беринга, и цветными изображениями морских животных, зарисованных Свеном Вакселем. Рассматриваемую книгу можно смело рекомендовать вниманию всех читателей, интересующихся историко-географическими открытиями. Книга эта подчеркивает особую роль русских моряков в открытии северо-западных берегов Америки, вклад русских людей в мировую культуру.

В. Гейман

Экспедиция Беринга, Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. Изд. Главного архивного управления НКВД СССР. М. 1941, 418 стр., 2 карты + 2 снимка.

В довольно большой литературе, посвященной В. Берингу и его экспедициям, наиболее слабым местом являлась до сих пор документальная часть. Лишь в последние годы, в дополнение к тому, что издано главным образом в «Материалах по истории русского флота», появились в американском издании проф. Ф. Гольдера некоторые новые документы и судовой журнал экспедиции, составленный штурманом

Х. Юшиным (с вариантами из журнала С. Хитрово), а «Красный Архив» в 1935—1936 г. напечатал впервые отчет Беринга по экспедиции, до отъезда его в «американский вояж». Естественно было надеяться, что Главное архивное управление НКВД СССР, в распоряжении которого находится большая часть материалов об экспедиции, в связи с 200-летием смерти Беринга продолжит начатые в советские годы публикации об его экспедициях. Работа по отбору материалов и их соответствующему оформлению для издания была поручена Управлением А. А. Покровскому, который (при содействии М. Н. Варфоломеева) и выполнил поручение в срок, а Управление издало сборник еще до наступления войны. Кроме ГАУ НКВД СССР, подготовкой материалов по экспедиции Беринга для печати было занято и Главное управление Северного морского пути (совместно с Центральным гос. военно-морским архивом (ЦГМВА) в Ленинграде), но этот вполне законченный сборник документов, в связи с войной, пришлось сохранить в рукописи. Таким образом, не считая опубликованного еще в 1940 г. труда С. Вакселя «Вторая камчатская экспедиция В. Беринга», сборник ГАУ оказался единственным, в котором даны новые материалы по истории экспедиции.

При выборке материалов А. А. Покровский пересмотрел несколько фондов. Большая часть документов была им извлечена из так называемого «Фонда Беринга», хранящегося в ЦГВМА в Ленинграде. Этим фондом пользовались исследователи и до А. А. Покровского, но характер и происхождение фонда до сих пор оставались невыясненными. При ближайшем же изучении оказалось, что так называемый «фонд Беринга» в действительности является частью фонда Адмиралтейств-коллегии, выделенной из ее общего фонда по признаку «экспедиции», почему в «фонде Беринга» находим переписку Адмиралтейств-коллегии о первой экспедиции Беринга, экспедиции Шестакова — Павлуцкого, второй экспедиции Беринга, экспедициях промышленников и, наконец, экспедиции Креницына — Левашева, причем только немногие из этих материалов составляют фонд экспедиций, а большая часть их является, повторяю, лишь перепиской Адмиралтейств-коллегии об этих экспедициях. Архивы же большей части упомянутых экспедиций оказались погибшими и не дошли до нас; в таком положении находится, например, архив второй экспедиции Беринга; по всем данным, после неоднократных перевозок он оказался, наконец, в Тобольске, где и погиб в пожар 1787 г.

Таким образом, фонд Беринга — не архив самой экспедиции, а лишь переписка о ней Адмиралтейств-коллегии. Эти подробности имеют большое значение для всякого, кто вновь займется историей этого грандиозного предприятия 30—40-х годов XVIII в. Материалы о нем надо искать не только в «фонде Беринга», но и в «фонде Адмиралтейств-коллегии» за те же годы, о чем можно судить по печатному описанию последнего фонда. К сожалению, А. А. Покровский не обратил на этот факт должного внимания, и многие материалы о второй экспедиции, находящиеся в делах «Фонда Адмиралтейств-коллегии», не были им использованы для издания. Особенно досадно, что документы, ценные для истории последних лет работ экспедиции и ее печального конца, опять остались вне научного оборота и не помогли А. А. Покровскому при изложении истории экспедиции.

Два других фонда, в которых А. А. Покровский мог бы получить ценные документы об экспедиции Беринга, — фонд Сената и фонд Кабинета — оказались в таком положении: из первого (из книг № 664, 666 и 669) сделаны лишь случайные извлечения не столько в разделе документов, сколько в примечаниях к ним; между тем, именно в этих книгах (особенно № 666) сосредоточены многие основные документы по организации Второй экспедиции и о роли в этом деле секретаря Сената И. К. Кирилова. Следовало бы также разыскать переписку Сената об окончании экспедиции, так как только на основании этих материалов можно понять конец экспедиции; таким образом, фонд Сената и после издания сборника ГАУ даст много новых и ценных материалов.

Что же касается фонда Кабинета («дела Сената по Кабинету»), то он остался совершенно неиспользованным; между тем, в нем находятся многочисленные письма В. Беринга А. И. Остерману, в которых имеются исключительно интересные подробности об экспедиции, очень часто отсутствующие в рапортах Беринга, Чирикова и других участников; часть писем Беринга Остерману и Н. Ф. Головину оказалась в «сибирских делах» б. Московского Главного Архива Министерства иностранных дел (по Коллегии иностранных дел), но и она использована далеко не полно и весьма случайно. Оставлена без внимания и та переписка участников Второй экспедиции, которую они вели с Г. Ф. Миллером, она сохранилась в его «портфелях». При тех возможностях, которые были у ГАУ, обследование архивных фондов, относящихся к экспедициям Беринга, следовало бы произвести более планомерно и тщательно; работа в этом отношении попрежнему осталась неоконченной.

В сборник вошли некоторые документы из «фонда Беринга» (ф. 1216), части фонда Адмиралтейств-коллегии за 1740—1741 г. (дела с секретным титулом), оказавшегося в Москве (в ГАФКЭ, ныне ЦАДА), фонда Н. Ф. Головина, б. Государ-

ственного архива (разр. XXIV) и из «сибирских дел». Некоторые из них были напечатаны ранее (например, отчет Беринга 1741 г., первоначально был напечатан в «Красном Архиве» (стр. 128—194) в более полном виде, «предложение» С. Ваксели 1744 г. (стр. 297—300) и др. Почти все документы, за немногими исключениями, издаются, однако, в сборнике впервые. Конечно, можно спорить о том, все ли они заслуживают опубликования, не являются ли они случайно напечатанными документами, не дающими представления об общем ходе Второй экспедиции. Не лучше ли было бы издать, например, все основные рапорты Беринга в Адмиралтейств-коллегию, а документы, поясняющие их, использовать в примечаниях; или из переписки участников экспедиции с Н. Ф. Головиным извлечь и другие письма к нему (например, письма Ф. Минина), которые дают иногда более цельное представление о трудах этих лиц, чем некоторые письма, приведенные в сборнике,— все эти вопросы могут быть разрешены по-разному. Во всяком случае, какие бы пожелания ни были высказаны, то, что дано А. А. Покровским, представляет все же несомненный интерес и научную ценность.

Изданные в сборнике документы Первой экспедиции Беринга не дают чего-либо нового: так, отчет о ней, помещенный на стр. 59—65, печатался несколько раз, равно как и приложения к нему (стр. 66—68); в дополнение к ним следовало бы издать рапорты Беринга 1725—1730 гг., в которых находим не мало подробностей, отсутствующих или иначе представленных в таком позднем документе, как «краткий отчет» 1730 г.

Совсем случайный характер носят документы, включенные в отд. 2-й, «Из материалов об экспедиции Я. Генса, И. Федорова и М. Гвоздева к берегам Америки». И в фонде Беринга и в фонде Сената можно было бы подобрать более важные документы, а карту Я. Генса, оказавшуюся в бумагах С. П. Крашенинникова (о ней ср. стр. 80) в Архиве Академии Наук, следовало бы издать.

Подробный отчет по экспедиции 1738 г. (стр. 81—120) издается впервые и представляет большой интерес, но данные его не с чем сравнивать, так как последующие отчеты 1742 и 1743 гг., составленные, как и отчет 1738 г. для Адмиралтейств-коллегии, остаются неизвестными редактору сборника (они в одном из дел Адмиралтейств-коллегии 1742 г.).

Отчет Беринга 1741 г. (стр. 121—195) известен уже по более полному изданию его в «Красном Архиве».

«Документы, дополняющие данные, содержащиеся в отчетах 1738 и 1741 гг.» (отд. V, стр. 197—251), состоят из нескольких документов, относящихся к организации Второй экспедиции (стр. 199—214), но о первых действиях ее (до 1738 г.) не приведено никаких документальных свидетельств, а между тем в «фонде Беринга» сохранились многие рапорты Беринга, отражающие иногда поистине трагическое состояние экспедиции. Эти рапорты, как, например, знаменитый рапорт от 17 апреля 1737 г. о дальнейшей работе северных отрядов, следовало бы напечатать предпочтительно перед другими документами 1732—1733 и 1737 годов. Документы 1738—1741 гг. несомненно дают много нового, но чем вызвано их напечатание, не всегда понятно. Почему, например, из многочисленных рапортов начальников отдельных северных отрядов редактор дает лишь по одному рапорту за 1740 г. Д. Я. Лаптева и Х. П. Лаптева, объяснить довольно трудно; вместе с тем и рапорты В. Беринга представлены в этом разделе далеко не полно и часто случайно.

Раздел VI — «Из документов по дальнейшей истории экспедиции за 1740—1743 гг.» (но последний документ в разделе VI не 1743, а от 11 октября 1744 г.) — дает довольно много новых известий об экспедиции, хотя отсутствие в распоряжении редактора дел Кабинета отразилось и на подборе документов и на их истолковании в примечаниях (в частности, основные документы 1740 г. взяты не из «ф. гр. Головина, д. № 44», как отмечается в легенде на стр. 259—260, а из «ф. Беринга, ц. № 44»); при всей их случайности (из рапортов северных отрядов взят только один — Х. П. Лаптева от 5 сентября 1741 г.) здесь напечатан, впервые на русском языке (ранее издан Ф. Гольдером в переводе на английский яз.) рапорт А. И. Чирикова 7 декабря 1741 г. об американском вояже, но почему-то не издан другой, не менее важный, рапорт его от 9 декабря 1741 г., которым и впредь придется пользоваться лишь в английском переводе; следовало бы вновь издать здесь же и рапорт С. Ваксели от ноября 1742 г., хотя он и напечатан недавно.

Для раздела VII — «Из писем главных участников экспедиции за 1738—1743 гг.» — использовано дело № 30 «фонда Головина», в котором собрана переписка Беринга, Чирикова и др. с Н. Ф. Головиным; все письма представляют тот или иной интерес, но странно, что они начинаются в сборнике 1738 годом, разве не было более ранних? О том, что сохранились и многие другие письма участников экспедиции, приходилось уже говорить выше.

В разделе VIII — «Выписка из судового журнала, веденного на пакетботе «Св. Петр» С. Хитрово» — на самом деле дается выписка не из частного журнала С. Хитрово, сохранившегося в двух списках (в библиотеке Академии Наук и в Государ-

ственном архиве), а из официального судового журнала «Св. Петра», который подписан С. Ваксселем и С. Хитрово (ср. в сборнике стр. 359, примеч.) и сохранился в единственном списке, находящемся в Архиве Академии Наук (ф. 21, оп. 5, № 58): список относится к 1752—1753 гг., когда с подлинных судовых журналов Второй экспедиции снимались в Адмиралтейств-коллегии копии, а подлинные были отправлены в Тобольск в распоряжение адмирала Мятлева, сибирского губернатора, которому поручено было возобновить деятельность Второй камчатской экспедиции; отправленные в Тобольск в подлинниках судовые журналы погибли в тобольский пожар 1787 г. Копия судового журнала «Св. Петра», из которой А. А. Покровский печатает выписку, а после страниц 348 и 358 дает два снимка с соответствующих листов, примечательна тем, что вся она испещрена замечаниями известного адмирала А. И. Нагаева, причем некоторые места этой копии вписаны его рукой: к их числу принадлежат и те записи в судовом журнале, где говорится о смерти Беринга (в сборнике стр. 359).

Наконец, последний раздел IX — «Окончание экспедиции» — заключает материалы о приостановке экспедиции в сентябре 1743 г.; об этом событии пока не отыскано соответственного дела Сената 1742-1743 г. и о многих обстоятельствах, повлиявших на решение Сената и на указ императрицы от сентября 1743 г., приходится лишь гадать. Впрочем самый указ и доклад Сената (в подлинниках) уже давно известны в литературе по указаниям печатных Барановских описей высочайших указов, хранящихся в б. Сенатском архиве в Ленинграде; но А. А. Покровский впервые напечатал сенатский доклад по копии и использовал его для своего вводного очерка.

К документам даны необходимые примечания, в которых нередко целиком цитируются другие документы, поясняющие и дополняющие основные материалы; в примечаниях использованы не только «Материалы для истории русского флота» и другие печатные источники, но и архивные дела фондов Беринга, Сената, Преображенского приказа и др.

Сборнику документов предшествуют две статьи: доктора географических наук, дважды Героя Советского Союза И. Д. Папанина, которая дает общую оценку трудов экспедиций Беринга, и редактора сборника А. А. Покровского «В. Беринг и его экспедиция» (1725—1743 гг.). Вопреки документам, редактор почему-то утверждает, что все экспедиции 1725—1743 гг. на Дальний Восток носили название Камчатской экспедиции, хотя и знает, что «это была не одна экспедиция, а целый ряд отдельных экспедиций, причем лишь экспедиции 1725—1730 гг. и 1733—1743 гг. были связаны с Берингом, но и они нигде не объединяются в одну, а, в соответствии с источниками, различаются как Первая и Вторая камчатские экспедиции». Нет оснований изменять это деление. Предложенное в сборнике наименование всех экспедиций на север и восток Сибири, в Японию и Америку «экспедицией Беринга» ничем не мотивировано, и может внести только путаницу.

А. А. Покровский в своей вводной статье справедливо отмечает, что в предшествующей литературе экспедиции 1725—1743 гг. рассматривались лишь с чисто экспедиционной точки зрения: каких широт достигали отдельные отряды этих экспедиций, какие препятствия встречались им на пути, как участники экспедиций страдали от трудностей и гибли и каких результатов достигли. Он правильно полагает, что экспедиции 1725—1743 гг. — крупное историческое явление; они являются показателем целого ряда условий и отношений того времени, связаны с общественно-политическими условиями той эпохи, с борьбой известных политических групп того времени, с целым рядом экономических и общественно-бытовых отношений, имевших место в разных слоях русского общества той эпохи; он считает также, что «исследователи не уделяли в достаточной мере внимания главным действующим лицам экспедиции, не рассматривали Беринга, Чирикова, Шпанберга и др. как живых людей, людей своего класса и своего времени». А. А. Покровский сделал весьма интересную попытку выполнить ту совершенно правильную программу изучения экспедиции 1725—1743 гг., которая изложена выше. Он остановился на многих исторических фактах, которые до сих пор не рассматривались в связи с экспедициями Беринга (например, сношения с Испанией, опала Волынского и др.); в результате получился тот исторический фон, на котором деятельность Беринга и других участников экспедиции 1725—1743 гг. приобретает большое государственное значение. Статья А. А. Покровского должна привлечь к себе внимание историков и в особенности историков этой эпохи. Новые материалы об экспедициях Петровского времени и последующих лет, например вроде той записки И. К. Кирилова, которая печатается выше, заставят изменить и дополнить некоторые утверждения А. А. Покровского, но подход к изучению источников об этих экспедициях, предложенный им, является большой научной заслугой автора.

К прекрасно изданной книге приложена одна современная карта («Чертеж рек Ман и Юдомы»), два снимка с судового журнала «Св. Петра» и «Карта путей Беринга и Чирикова из Камчатки в Америку и обратно в 1741 г.»; в качестве заставок

в начале разделов использованы современные рисунки камчатских сопок, Авачинской губы, Петропавловской гавани и др. К книге подобного типа необходимы указатели, которые, к сожалению, отсутствуют.

Несмотря на отмеченные недочеты, сборник, изданный ГАУ НКВД СССР, представляет ценное приобретение в серии документальных источников об экспедициях 1725—1743 гг.

А. Андреев

Centenary celebration of the Wilkes exploring expedition of the united States navy 1833—1843 and Symposium on American polar exploration. Proceedings of the American Philosophical Society held at Philadelphia for promoting useful knowledge, vol. 82, June 29, 1940, No. 5. pp. 518—950.

Исполнившееся в 1938—1940 гг. столетие первой американской исследовательской полярной экспедиции во главе с Уилки послужило поводом для Американской Академии естественных наук в Филадельфии не только выпустить новый подробный исторический очерк этой экспедиции в Антарктику, но и, с современной точки зрения, осветить достигнутые этой экспедицией научные результаты. Помимо истории организации экспедиции, проф. В. Гоббс (Hobbs) дает очерк открытия Земли Уилки в Антарктике, богато иллюстрированный современными картами. Наибольшую часть книги составляет обзор результатов экспедиции — по изучению земного магнетизма, в области метеорологии и т. п. — в Антарктике; не забыта также исследовательская работа экспедиции в южной части Тихого океана. Специальные статьи посвящены систематике рыб, которые были изучены экспедицией. Прошло почти столетие после возвращения лейтенанта Ч. Уилки из южных морей, прежде чем США отправили туда новую экспедицию во главе с адмиралом Бердом (1928—1930 гг.). Этой экспедиции отведена интересная статья капитана Г. Саундерса. В. Jeoerg, директор отдела карт и планов Национального архива в Вашингтоне, посвящает свою статью, базирующуюся на трудах экспедиции Линкольна Эллсворта (1935 г.), доказательствам того, что земля Пальмера в Антарктике представляет полуостров. Проф. геологии Л. Гоульд (Gould) дает интересный, богато иллюстрированный очерк ледников в Антарктике.

Меньшая часть тома 82 «Proceedings» посвящена подведению итогов того, что было сделано американскими путешественниками и исследователями в области изучения Арктики. Оно началось в 1851 г. экспедицией лейтенанта Э. Дегавена (De Haven), отправленного на поиски Джона Франклина и его экспедиции. Исследование Арктики американцами велось почти беспрерывно до нашего времени, хотя и не с одинаковой интенсивностью: можно отметить такие периоды, как экспедиции 50-х годов XIX в. и экспедиции Пири, которые продолжались около четверти века и завершились достижением им северного полюса в 1909 г. Все они характеризуются смелостью и настойчивостью, обилием карт вновь открытых земель и многими научными достижениями. Отдельные статьи в этом разделе посвящены «Арктическим плаваниям и открытиям Дегавена, Кэйна и Холла» (De Haven, Kane and Hall). «Плаванию в Арктике Жаннеты», плаваниям Пири около Гренландии в 1892—1895 гг., его исследованиям арктических земель и достижению им северного полюса.

Особенный интерес представляет статья известного американского полярного исследователя В. Стифансона, в которой он, на основании прежде всего данных возглавлявшейся им экспедиции в Арктику 1913—1918 гг., отправленной Канадским правительством, предлагает свою «десятилетку» изучения Арктики с учетом всего того, что сделано уже в Полярной области советскими исследователями во главе с Папаниным и Бадигиным, а также всех достижений полярной науки за 1918—1940 гг. Сущность его плана сводится к тому, чтобы для изучения Арктики было образовано от 10 до 20 исследовательских групп в 3—5 человек в каждой, которые на плавающих льдинах занялись бы научным изучением и вели бы образ жизни наподобие участников Канадской арктической экспедиции 1913—1918 гг. и Советской экспедиции Папанина 1937—1939 гг. Как и все, что выходит из-под пера Стифансона, эта статья читается с живейшим интересом и найдет отклик в нашей специальной литературе. К статье приложена карта, на которой, между прочим, показаны также трассы советских экспедиций в Арктику.

Содержательный сборник статей об американских плаваниях в Антарктике и Арктике заслуживает того, чтобы с ним ознакомились советские географы и полярники. Статьи написаны прекрасным научно-литературным языком и читаются с истинным наслаждением.

А. Андреев

14